

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

А. П. ЧЕХОВ: ИСТОРИЯ В БИОГРАФИЯХ (СЕРИЯ ЖЗЛ)

Выпускная квалификационная работа

магистра филологии

студентки 2 курса магистратуры

Ксении Александровны Горячевской

Научный руководитель

д. филол. н., профессор И. Н. Сухих

Рецензент

канд. филол. н. А. Г. Головачева

Санкт–Петербург

2017

Введение

Данная работа посвящена изучению биографий А. П. Чехова, представленных в литературной серии «Жизнь замечательных людей».

Биография – это один из древнейших литературных жанров, который сейчас представляет для исследователей особый интерес. О природе жанра биографии написано немало трудов, существуют различные точки зрения касательно ее определения, типологии, базовых характеристик, которые составляют специфику жанра. Особую сложность исследователи видят в разрешении вопроса соотношения в биографии жизни и творчества выбранного персонажа. Таким образом, в ходе нашего исследования становится очевидно, что биография требует особо внимательного исследовательского подхода, поскольку научный мир предлагает достаточно широкий спектр интерпретаций биографии как жанра.

Разработанную теоретическую базу мы применили в ходе исследования трех биографий А. П. Чехова, написанных следующими авторами: Ю. В. Соболев («Чехов»), В. В. Ермилов («Чехов. 1860–1904»), А. П. Кузичева («Чехов. Жизнь "отдельного человека"»). В рамках проведенного анализа нам удалось выявить специфику каждого рассмотренного произведения, установить различия при описании тех или иных событий в жизни писателя и понять те механизмы, благодаря которым перед глазами читателя персонаж появляется именно таким, каким он был задуман согласно концепции автора.

В ходе исследования использованы описательный, сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы. Структура работы представляет собой введение, две главы и заключение.

Глава 1. Биография как научная проблема

1.1 История биографии

Биография появилась в I веке. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А. Н. Николукина, первыми биографиями стали такие произведения, как «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Жизнеописание Агриколы» Тацита. В Средние века биографии были посвящены по преимуществу религиозным подвижникам, мудрым правителям и выдающимся полководцам, при этом в основе лежало дидактическое начало.

В эпоху Возрождения появился интерес к отдельным фигурам, к «неповторимому душевно-интеллектуальному миру личности и к разнообразию человеческих талантов и их проявлениям»¹. Так, в 1352 году появилась первая биография Данте Алигьери, написанная Дж. Боккаччо. В эпоху Просвещения основным в биографии стало исследование взаимосвязи между индивидуальной и социальной жизнью человека, жизнеописание стало строиться на документальных источниках («История Карла XII», Вольтер, 1731 г.).

В XIX веке большая часть биографий была посвящена творческими личностями, их «духовным и общественным воздействием на эпоху»², создаются биографии писателей, художников, в этом жанре работают Ч. Диккенс, В. Скотт и др.; появляется жанр литературной автобиографии. В XX веке всё большую популярность приобретают художественные биографии С. Цвейга, Г. Манна и др.

В допетровской Руси единственным видом биографии было житие святого. С XVIII века в России стали появляться биографические словари («Опыт исторического словаря о российских писателях», Н. И. Новиков, 1772 г.). В XIX веке биографический жанр в России развивался благодаря

---

¹ *Соболевская О. В.* Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николукина. М., 2001. С. 91.

² Там же. С. 91

таким книгам, как «Фон-Визин» П. А. Вяземского (1830), «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова (1855). В XX веке очень популярной стала серия «Жизнь замечательных людей», основанная ещё в конце XIX века. Основной целью этих биографий было просвещение. Серия предназначалась самому широкому кругу читателей.

XXI век – новый этап в жизни биографии. Исследователи отмечают несколько тенденций.

Во-первых, очевиден рост интереса читателей к биографиям (А. А. Холиков)³.

Во-вторых, стало создаваться всё больше популяризованных биографий, потому что, как известно, спрос рождает предложение. (А. И. Рейтблат)⁴. Время создаёт новых героев – пишутся биографии бизнесменов, спортсменов, актёров, «звёзд» отечественного и зарубежного шоу-бизнеса. Часто это тексты низкого качества, не отличающиеся ни богатством языка, ни достоверностью фактов. Кстати, ещё одна своеобразная тенденция – писать биографии ещё живых знаменитостей, при этом иногда ещё очень молодых, только начавших свою карьеру.

В-третьих, на полках книжных магазинов всё чаще появляются так называемые «антибиографии». Стремление очернить известного человека, обнародовать малоприятные факты из его жизни, осветить ранее табуированные по тем или иным причинам темы, поменять устоявшееся десятилетиями мнение с помощью внезапно обнаруженных, порой сомнительных свидетельств – вот смысл таких работ. Нечасто, но встречаются биографии, авторы которых стремятся добиться справедливости относительно какого-либо отрицательного персонажа из истории, и тогда пишутся биографии обратные – «обеляющие». При внешней разнице этих двух современных видов биографий их объединяет общая задача – сломать стереотип.

---

³ См.: Холиков А. А. Биография писателя как жанр: Учебное пособие. М., 2014.

⁴ См.: Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014.

1.2 Определение понятия «биография»

Одно из первых определений появилось в «Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» на рубеже XIX-XX веков. Там биографией (с греч. «жизнеописание») «называется изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки»⁵. В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) «биография (от греч. *bíos* – жизнь и *gráphō* – пишу) – жизнеописание»⁶. Точно такое же определение даётся в «Большой советской энциклопедии» и в «Краткой литературной энциклопедии». «Описание чьей-либо жизни»⁷ – определение из «Словаря русского языка», «сочинение, в котором излагается история жизни и деятельности какого-нибудь лица»⁸ – из «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий», появившейся в 2001 году, «биография – жанр жизнеописания, предполагает художественное или научное осмысление истории жизни личности, нацеленное на поиски выявления истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте»⁹.

Таким образом, словари, называя биографию либо жизнеописанием, либо сочинением о жизни, не могут дать исчерпывающего ответа на наш вопрос. Обратимся к исследовательским работам.

В них нам встречаются как очень широкие определения, так и более конкретные, а в целом они зависят от сферы, в которой рассматривается биография. Так, например, В. Дильтей считал, что биография – это «наиболее

---

⁵ Биография и биографические сборники // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб, 1891. Т. 3. С. 876.

⁶ Биография // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 54.

⁷ Биография // Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. Т.1. С.90.

⁸ Биография // Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т.1. С.141.

⁹ *Соболевская О. В.* Биография. С. 90.

философская форма исторического изображения»¹⁰ личности. Для Н. А. Рыбникова это «одна из форм общечеловеческой литературы»¹¹, а для И. Ф. Петровской «повествование об истории индивидуального жизненного пути от его начала до конца, исследование жизни человека во всех проявлениях взаимодействия внешних событий и психики (деяния, общения, эмоциональное отношение к фактам своего и окружающего бытия и т.д.)»¹².

По С. С. Аверинцеву, биография – это «слабо конституированный жанр»¹³. Жанр литературы – это, пожалуй, самое очевидное и частотное определение, оно, как мы видели, встречается и в словарях. И. Я. Лосиевский отказывается называть биографию жанром, поскольку, на его взгляд, нельзя «выделить объединяющие, собственно жанровые признаки таких разнородных литературных явлений, как академическая и научно-художественная биографии, летопись жизни и творчества»¹⁴. Биография намного шире. Согласно его теории, это «произведение научно-художественной литературы»¹⁵.

Для А. Л. Валевского биография – это «текстуальная представленность на языке данной культуры феномена личностной индивидуальности»¹⁶. Для И. Я. Лосиевского это тоже прежде всего литература, «текстовое поле», где встречаются наука и искусство. Его определение биографического письма выглядит преобразованным определением А. Л. Валевского: «переданное средствами языка данной культуры и зафиксированное в текстовой форме цельное научно-образное произведение о феномене личностной

---

¹⁰ Цит. по: *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии: [Монография]. Харьков, 1998. С. 9.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² *Петровская И. Ф.* Биографика: Введение в науку и обзор источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов. Изд. Второе, исправл. и доп. – СПб., 2010. С.16.

¹³ *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография // С. С. Аверинцев. Образ античности. СПб., 2004. С. 233.

¹⁴ *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 10.

¹⁵ Там же. Стр. 16.

¹⁶ *Валевский А. Л.* Основания биографики. – К., 1993. С. 88.

индивидуальности»¹⁷. А. И. Рейтблат соглашается с А. Л. Валевским в том, что биография – это литература, «текстуальная конструкция»¹⁸ и добавляет, что это также нарратив, или повествование, разворачивающееся хронологически.

Б. В. Дубин дал новое, абсолютно не похожее на другие, определение биографии: биография – это «косвенное, так или иначе гипотетическое воспроизведение (дублирование) схемы самопонимания и самопредставления индивида теперь уже другим действующим лицом в ходе *его* специфического смыслового действия – в ситуации и акте биографирования, биографической конструкции, «внешнего» понимания»¹⁹.

На наш взгляд, самым ёмким является определение А. Л. Валевского, которое вмещает в себя разговор как о содержании («феномен личной индивидуальности»), так и о форме («текстуальная представленность»).

1.3. Биографика

Наука, изучающая биографию, называется биографика. В Европе о ней заговорили на рубеже XVIII – XIX вв., в России в конце XIX – начале XX вв. В 1919 году в СССР хотели создать Биографический институт, однако проект был отклонен Наркомпросом. «Систематическое, всестороннее научное изучение человеческих биографий»²⁰ было признано нецелесообразным. Термин «биографика» не удержался, стали употреблять всевозможные вариации со словом «биографический» – биографические жанры, биографическая литература, биографический метод и т.д.

Вообще, биографиям во времена СССР не уделялось достаточного внимания. Они считались хорошим подспорьем в серьезной работе, но не

---

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Рейтблат А. И. Писать поперек. С. 181.

¹⁹ Там же. С. 180.

²⁰ Цит по: Петровская И. Ф. Биографика. С. 9.

более того. Биографии, конечно, издавались, но цели преследовались исключительно воспитательные и пропагандистские.

В 1970-е годы термин стал постепенно возрождаться силами историков, заинтересовавшихся изучением отдельного человека и исторической психологии. Еще в 1920-е гг. И. Т. Филиппов рассматривал биографику как раздел исторической науки, который занимается изучением личности в истории, что сейчас является предметом интереса исторической антропологии. И. Ф. Петровская также считает, что биографика – это «специальная наука системы исторических наук»²¹. Определение И. Л. Беленького значительно шире: система «философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции»²².

И. Ф. Петровская пишет, что биографика – это «наука о постижении жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности». Исследователь утверждает, что эта отрасль исторической науки связана с психологией, педагогикой, искусствоведением и т.д., кроме того, с «молодой комплексной наукой – человековедением»²³. Задача биографики, по ее мнению, – «раскрыть многообразие людей и сложность каждого из них»²⁴. И. Л. Беленький также говорит о междисциплинарности: исследование биографического письма и биографического сознания – это «предмет исторической культурологии, исторической, правовой и

---

²¹ Там же. С.19.

²² *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М., 2010. С. 38.

²³ *Петровская И. Ф.* Биографика. С.12.

²⁴ Там же. С. 18.

политической антропологии»²⁵, кроме того историографии и исторических отделов наук о литературе и искусстве.

Интересно то, что ни в одном из данных определений биографика не связывается с литературой. Но биография – это прежде всего текст. Почему же в задачах биографики не указывается изучение биографии как текста? В словах И. Я. Лосиевского заложен ответ: «Биографика как теория, методология и история этой особенной, документально-«портретной» литературы – сравнительно молодая наука, ещё находящаяся в стадии своего формирования»²⁶.

Биографика – наука о биографии, а биография – это история человека. Биографию можно изучать с разных сторон, пока в этом больше преуспела история, поскольку история человека отлично вписывает в новое, активно развивающееся направление «персональная история». Биографический текст, как пишет И. Я. Лосиевский, «интересует исследователя, чаще всего, как источник, а не как произведение биографического письма, имеющее свою творческую историю»²⁷. Именно поэтому сейчас работ историков о биографии намного больше, чем работ литературоведов. Но это пока. Биография – огромное поле для исследования, которое, мы уверены, скоро будет вспахано.

1.4 Биография – наука или искусство?

Исследователи биографии делятся на три «лагеря»: одни придерживаются мнения, что биография безраздельно принадлежит науке (М. О. Чудакова), другие – искусству (Б. С. Мейлах), остальные держатся посередине, считая, что биография сочетает в себе и то, и другое (И. Я. Лосиевский).

---

²⁵ *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции. С. 45.

²⁶ *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 6.

²⁷ Там же. С. 6.

Уже в самой первой статье о биографии в «Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» 1891 года обозначена её двойственность. «Как произведение научное, биография не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе»²⁸.

Г. О. Винокур считает, что «если это действительно творчество, то творчество совершенно специфическое»²⁹. Н. А. Рыбников, с одной стороны, пишет, что в биографии важнее всего «объективный сырой материал»³⁰, и описания переживаний рассматриваемой личности не нужно, а с другой, что в итоге должен создаваться «цельный образ» героя. И. Я. Лосиевский спорит с такой позицией, поскольку считает, что из простого набора фактов о личности никак не может создаваться полноценный образ, ведь и автор «выступает не биографом, а собирателем, компилятором, составителем»³¹.

И. Я. Лосиевский считает, что невозможно написать биографию, которая будет строго научной или исключительно художественной. Биография – это «гипотетическое изображение личности», «документально-художественная реконструкция». Нельзя быть абсолютно уверенным в том, о чём пишешь, ведь у биографа зачастую ограниченное количество средств: «набор пожелтевших фотографий, противоречивые мемуары современников». Автор создаёт биографический образ, чья научно-познавательная ценность больше, чем эстетическая (в отличие от художественного образа) и зависит от «степени убедительности»³².

---

²⁸ Биография и биографические сборники // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С. 876.

²⁹ Винокур. Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С.18. Разрядка авторская.

³⁰ Цит. по: Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 17.

³¹ Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 12.

³² Там же. С.13.

Ю. М. Лотман выступает за равноправие научного и художественного в биографии. Биография должна быть «диалогом между учёным и романистом». Учёный занимается, с одной стороны, привычным делом – работает с документами, анализирует их, с другой стороны, он «все время должен помнить о синтезе, соединять свои наблюдения в единое и живое целое». Именно романист поможет учёному в создании полноценного образа, не применяя при этом фантазию – «он не имеет права создавать, он должен воссоздавать»³³.

1.5 Особенности биографии

И. Л. Беленький называет книгу Г. О. Винокура «Биография и культура» «непревзойдённым опытом разработки теории биографии с феноменологических позиций – в контексте проблем взаимоотношения философии человека, исторической науки, филологии и психологии»³⁴. Историк прежде всего импонирует междисциплинарный подход Г. О. Винокура и то, что теорию биографии он рассматривает с философской точки зрения.

Нас же данная работа привлекает не только по этой причине, но и потому, что Г. О. Винокур, опубликовав свой труд в 1927 году и даже ещё не называя биографику биографикой, стал первым, кто обозначил важнейшие особенности биографии. Пожалуй, нет ни одного исследователя, который бы позже не обратился к этой работе учёного – настолько глубоко он проник в суть биографии, кратко сформулировав самое основное.

Г. О. Винокур утверждает, что биография – это «личная жизнь в истории», а значит «история личной жизни». К внешней стороне жизни он относит «приключения в точном смысле слова: герой биографии появляется на свет, учится, путешествует, женится, воюет, пишет стихи или лепит статуи и т. п., и т. п. Все эти события и дают тот материал, из которого составляется

---

³³ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина / Предисл. Б. Ф. Егорова. М., 1987. С. 13.

³⁴ Беленький И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции. С. 45.

биография». Далее исследователь замечает, что нельзя разделять биографию на внешнюю и внутреннюю: «вся биография вообще – только внешнее выражение внутреннего»³⁵.

«Для биографа личность интересна не как константное и определившееся, а непременно как динамическое». Биография – это определенно история развития. Г. О. Винокур определяет социальную действительность как внешний материал, а развивающуюся личность как «предметную форму, в которой этот материал состоится». То, что между ними, он называет «переживанием» и говорит, что это «та новая форма, в которую отливается анализируемое нами отношение между историей и личностью: становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл». Таким образом, «переживание» для него – это сама жизнь и, соответственно, зерно биографии. «В целом, мы вправе смотреть на сферу переживания как на сферу духовного опыта в широком смысле слова. Здесь бьет ключом и творится та жизнь, постичь которую хочет биограф»³⁶.

Г. О. Винокур обращает наше внимание на то, что биографу интересно в большей степени не то, какой деятельностью занимается интересующая его личность, а то, как он ей занимается, «как переживает, т. е. как реагирует на собственные переживания». Это позволяет заметить «особую жизненную манеру персонажа», «стиль его действия». «Жест, поступок, манера переживающего» – всё это выполняет экспрессивную функцию в биографии и называется Г. О. Винокуром «формами поведения». «Поведение настолько окрашивает всю жизнь, что становится доминирующим, основным признаком наших характеристик. <...> Так возникают наши социально-психологические категории как характеристики определенных стилей личной жизни: мечтатель, игрок, бунтарь, развратник, философ, расточитель, поэт, джентльмен, пролетарий и т. п. и т. п.»³⁷.

---

³⁵ Винокур. Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. С. 30-39.

³⁶ Там же. С. 39-50.

³⁷ Там же. С. 50-60.

Философское отношение к биографии, так привлекающее И. Л. Беленького, выражается у Г. О. Винокура в том, что, на его взгляд, личность нужно оценивать, не сравнивая с неким идеалом, «а только с точки зрения тех законов и норм, которые мы можем открыть в самой личной жизни, нами изучаемой. Открываемые нами тогда “ошибки”, “заблуждения”, “противоречия” и пр. суть для нас только средство понимания и истолкования, а не судебное постановление или общественный приговор»³⁸.

А. Л. Валевский выделяет 4 фундаментальных понятия для биографии: текстуальность, идентичность, вопрошание, игра. Текстуальность – это выраженность интересующей личности через любой текст, будь то текст, написанный о нём или текст, написанный им самим – письма, литературные произведения и т. д. Идентичность – это то, что есть индивид и то, что пытается донести до читателя биограф. Вопрошание – проникновение биографа в реальность исследуемого человека: в его время, условия жизни, окружение – с целью понять героя настолько, чтобы увидеть эту реальность его глазами и суметь найти те вопросы, которые герой задавал ей. Игра является обязательным элементом биографии, поскольку изучаемая личность для будущих поколений выступает в определённой роли. Биографу необходимо узнать причины, почему интересующий его персонаж оказался именно в такой роли. Это поможет создать хорошую «биографическую реконструкцию».

А. Л. Валевский говорит о нескольких «опасностях» (называет их презумпциями), которые подстерегают биографа. Первая – «презумпция несовпадения казуального и телеологического» (телеология полагает, что у всего развивающегося обязательно есть заранее известная цель). Это значит, что биограф всегда должен держать в поле зрения одновременно действия героя и то, что предшествовало им, т.е. мотивы. Вторая опасность – «презумпция казуального плюрализма» – говорит о том, что биографу нужно избавиться от соблазна найти единственную причину, исчерпывающе

---

³⁸ Там же. С. 60-73.

объясняющую любое поведение персонажа. Третья презумпция – «презумпция рациональности самообъяснения» – дает биографу право сомневаться в словах героя, сказанных им как о себе самом, так и о ком-либо/чём-либо другом, но при этом только лишь сомневаться, а не отрицать и не игнорировать. Четвертый и самый важный момент – это «презумпция разведения объяснения и понимания». Биографу необходимо не просто собрать факты о человеке и представить их с комментариями (т.е. объяснить), но попытаться проникнуть в мир персонажа (понять).

А. Л. Валеvский не обошел также вопрос этики в биографии. Это сложная проблема, потому что так или иначе биограф вмешивается в частную жизнь человека. Где та граница, через которую нельзя переступать? Чтобы понять это, биограф не должен забывать о трёх императивах: непереписываемость, безответность, персонифицированность. Первый императив значит, что написанное слово остаётся в веках, и биографу нужно понимать, что ответственность за это слово всегда будет на нём. Второй говорит о том, что личность, чья биография создаётся, уже не может, как правило, ответить на обвинения биографа, указать на неверно преподнесённые факты или защитить себя от клеветы. Этот императив призывает к максимальной объективности и внимательному отношению биографа к документам. Третий призывает к тому, чтобы мы понимали, что историческая личность – это дитя своего времени, представитель другого поколения. Биограф несёт ответственность не только перед ним, но перед целой эпохой³⁹.

1.6 Проблема типологии биографий

Вопрос классификации биографий на протяжении уже долгого времени является открытым. Единой системы нет, и, хотя главной можно счесть ту, которая представлена в любом энциклопедическом словаре, всё же особое внимание привлекают типологии, предлагаемые учеными.

---

³⁹Валеvский А. Л. Основания биографики. С. 88.

В 1987 году Г. Е. Померанцева выразила свое мнение относительно текущей ситуации: «Нет ясного представления о биографии как литературном жанре, нет четкого понятия и о составе научно-художественной биографии. Одни расширяют её рамки, включая сюда мемуары и роман-биографию, даже исторический роман, если в основе их апробированные факты, другие допускают – за отсутствием точных сведений – и заведомо вымышленные биографии, а третьи исключают все эти возможности и даже литературный портрет, столь близкий биографии, выводят за рамки жанра»⁴⁰. Стоит заметить, что за 30 лет мало что изменилось, ученые всё ещё не пришли к единому мнению.

«Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2001), вслед за «Литературным энциклопедическим словарем» (1987), делит биографии на академические, научные, художественные и популярные. В этой классификации понятно всё за исключением одного момента – что такое академическая биография и чем она отличается от научной? Специфика академических биографий не разбирается ни в одном словаре, и даже ученые в замешательстве, например, И. Ф. Петровская, которая честно в этом признается⁴¹.

Она, кстати, сама выделяет разные биографии, правда в её классификации нет упорядоченности. Она говорит о научных (по методам работы с материалом, а не по тому, что герой биографии – учёный), популярных (ненаучные) и художественных (беллетристика, которую рассматривает литературоведение) биографиях; о полных и частичных биографиях (целая жизнь в противовес отрезку времени); о статьях для энциклопедий и биографических словарей («научно-вспомогательная биографика»⁴²); о летописях, которые, на её взгляд, тоже важны, но биографий не заменяют.

---

⁴⁰ Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М., С. 167.

⁴¹ Петровская И. Ф. Биографика. С.17.

⁴² Там же. С.17.

Типология И. Л. Андронникова выглядит очень схематичной. Он делит все биографии на «строго научные» и «полунаучные». В первых нет художественного образа героя, есть исторический портрет, а во втором есть образ и вымышленные диалоги чередуются с реальными.

Классификация А. Л. Валецкого выглядит более ясно и значительно отличается от других известных нам вариантов по меньшей мере названиями типов, точнее «жанровых образований»⁴³. Он выделяет энциклопедические биографии (объективное изложение фактов), «исторический жанр» (тяготение к научности, обширная документальная база), «жанр портретной биографии» (описывается период жизни героя, а не вся жизнь целиком) и литературные, или художественные биографии (активное использование биографом домысла, полная противоположность исторической биографии). И. Я. Лосиевский не согласен с данной классификацией, т.к. считает, во-первых, что портрет так или иначе есть в любом виде биографического письма, а, во-вторых, что художественную биографию лучше бы не объединять с остальными типами. Она и так стоит особняком, потому что только в ней есть художественное допущение. Он полагает, что не нужно смешивать биографическую и художественную прозу. Подобную «ошибку» он замечает у А. А. Демченко⁴⁴ и Я. Н. Кумока⁴⁵.

И. Я. Лосиевский разработал, пожалуй, пока самую полную классификацию биографий, которую представил в своей монографии «Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии». Он не включает в типологию научных (научно-художественных) биографий «героические» научно-популярные биографии («обслуживающие идеологические потребности тоталитарных режимов»⁴⁶), популярные

---

⁴³Валецкий А. Л. Основания биографики. С. 45.

⁴⁴Демченко А. А. Научно-биографическое изучение русских писателей-классиков. Н. Г. Чернышевский: Автореф. дис. – д-ра филол. наук: (10.01.01) / ЛГУ им. Жданова. Л., 1982.

⁴⁵Кумок Я. Н. Жизнь и деятельность...: нерешенные проблемы биографического жанра // Вопросы литературы. 1973. №10. С.18-93.

⁴⁶Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 72.

биографии, где царит вымысел, и «биографическую» художественную литературу.

В его типологии научной биографии есть типы, виды и подвиды. Типов два – научная биография и научно-художественная. Научная биография делится в свою очередь на три вида: концептуальный, фактографический и смешанный. Научно-художественный тип имеет только два вида: концептуальный и смешанный (концептуально-фактографический). Все подвиды у каждого вида одинаковы: житнетворческая биография и творческая. Подвиды выделяются в данном случае только в писательских биографиях, поскольку здесь во главе угла стоит вопрос о творчестве писателя – в какой мере о нем говорится в исследовании личности. Виды, которые И. Я. Лосиевский выделяет на основании «формальных признаков в соответствии с предназначением биографического текста»⁴⁷, – это монография, очерк, энциклопедическая, словарная статья, летопись, или хроника (научные жанры) и научно-художественное повествование, эссе (научно-художественные жанры).

Выделение двух основных типов биографии – научной и научно-художественной – достаточно условно. В научных так или иначе пользуются художественным инструментарием, однако у автора нет задачи создать цельный образ. В научно-художественной же биографии «образ исторического лица – это уже в большей степени образ героя»⁴⁸.

И. Я. Лосиевский включает в классификацию творческую биографию писателя. Это «в большей степени литературоведческое исследование, чем какая-либо другая биографическая форма»⁴⁹. В писательской биографии научной составляющей как раз и будет литературоведческое начало.

---

⁴⁷ Там же. С. 79.

⁴⁸ Там же. С. 78.

⁴⁹ Там же. С. 78.

Концептуальная биография характеризуется «усилением авторского голоса в жизнеописании»⁵⁰. В ней может быть отступление от хронологического изложения фактов, автор может «перейти к «вневременному» повествованию, хотя и обязан вернуться в историческому времени жизни “прототипа”»⁵¹. Концептуальную биографию, по мнению И. Я. Лосиевского, можно назвать биографическим портретом, т.к. в ней есть «тяготение к зарисовкам и характеристикам, приостанавливающееся повествование о жизни, открывающее его глубинное измерение», отсутствие «последовательной соотнесённости рассказа с этапами житнетворчества»⁵².

«Биографам-концептуалистам нередко удаётся высветить в жизни писателя важнейшие причинно-следственные связи, ускользавшие от внимания предшественников»⁵³. Однако новый взгляд идёт в разрез с принятыми точками зрения, поэтому часто не принимается.

Фактографическая биография – самая древняя форма биографии. Автор выступает в ней как равнодушный компилятор фактов, его точка зрения не довлеет над читателем. «Здесь обозначены только контуры образа исторического лица и систематизированы материалы, которые могут быть использованы при дальнейшей работе над ним». «Перед читателем возникают вперемешку, как в реальной жизни – великое и смешное, случайное и значительное»⁵⁴. Абсолютное достоинство такого вида биографии в том, что достигается главная её цель – документально подтверждённое изображение жизни человека.

Из жанров к фактографической биографии больше всего подходит биографический очерк. «Монографию можно рассматривать как очерк, развившийся в фундаментальный биографический труд, а энциклопедическая

---

⁵⁰ Там же. С. 85.

⁵¹ Там же. С. 91.

⁵² Там же. С. 92.

⁵³ Там же. С. 86.

⁵⁴ Там же. С. 95.

или словарная статья может быть и первым опытом биографического изучения писателя, и формой концентрированного биографического письма». Биографическая заметка, продолжая эту логическую цепочку, – это или очерк-«портрет», или очерк об одном периоде в жизни автора.

Фактографическая биография «является более последовательной биохроникой», чем другие виды биографии. Но существует отдельная форма такого рода – летопись (хроника) жизни и творчества, которую в XIX – начале XX в. называли «хронологическая канва». Это собрание биографических фактов, сквозь описание которых так или иначе просвечивают выводы автора, «его сомнения и предположения, некоторые концептуальные решения»⁵⁵. Таким образом, в летописи личность автора не скрыта.

Научно-художественные биографии и научные биографии смешанного типа добиваются особенного успеха в сбалансированном сочетании описания жизни и творчества писателя. «Концептуальное начало получает некоторое преимущество перед фактографическим, что позволяет автору увидеть житнетворчество писателя как динамическое многоединство личности, проявляющееся и в бытовом поведении человека, и в акте художественного творения»⁵⁶.

В научно-художественной биографии допускаются «сращения документально подтверждённого материала с гипотезой автора, этому материалу не противоречащей»⁵⁷. Если в научной биографии есть неясные моменты в жизни исследуемой личности, то они оставляются в таком виде как есть. В научно-художественной биографии часто гипотеза (которая существовала в научном тексте) становится художественно обработанной, а значит, превращается из гипотезы в реальный факт. «Биографический образ – превращённая, «ожившая» научная гипотеза; он рождён игрой авторского

---

⁵⁵ Там же. С.98.

⁵⁶ Там же. С.100.

⁵⁷ Там же. С.101.

замысла, но без участия произвольного вымысла»⁵⁸. Вымысел, используемый автором биографии называется биографическим. «Создаваемый благодаря ему словесный материал не может стать с у д ь б о з н а ч и м ы м в авторской концепции биографического образа». Но такого рода вымысел однозначно необходим для создания наиболее «объёмного биографического изображения»⁵⁹.

«Учёный художник решителен в своих действиях по заполнению биографических лакун, гипотезы вводятся им в текстовый поток часто без предупреждения, без опознавательных знаков, биографический образ уже имеет отношение не только в науке, но и к искусству, однако в работе биографа преобладают приёмы научного исследования, он не ставит перед собой задачи создания художественной концепции – концепции, эстетическая ценность которой превысила бы научно-познавательную»⁶⁰.

Биограф, который хочет создать цельный, максимально близкий к оригиналу образ, вынужден прибегать к художественным средствам. Однако ему необходимо умеренно обращаться с художественным элементом, иначе можно потерять биографическое содержание за счёт популяризации, и труд будет испорчен «неполнотой научного знания»⁶¹. «В научно-художественной биографии воспроизводятся диалоги и монологи исторических лиц, сохранившиеся в наиболее достоверных источниках, не допускается произвольное конструирование речи героя из разновременных высказываний «прототипа», возможна лишь реконструкция утраченных слов и отдельных строк – восполнение по смыслу, которое специально автором не оговаривается»⁶². В биографических повестях, наоборот, диалоги придумываются, могут даже создаваться вымышленные персонажи.

---

⁵⁸ Там же. С.101.

⁵⁹ Там же. С. 113. Разрядка авторская.

⁶⁰ Там же. С.102.

⁶¹ Там же. С.110.

⁶² Там же. С.102.

М. О. Чудакова в 1988 году заявила, что создание произведений промежуточного жанра – между беллетристикой и наукой – «себя исчерпало»⁶³. Но была не права. Художественное слишком влечёт, чтобы оставить его в прошлом.

1.7 Проблема героя биографии

Кто имеет право на биографию, а кто нет? Ю. М. Лотман считал, что биографии достоин только тот человек, который «реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некую трудную и необычную, «странную» для других и требующую от него величайших усилий»⁶⁴. На его взгляд, создание жизнеописания «человека с биографией» – значимого для общества человека – является культурным императивом.

А. И. Рейтблат вступает за обычных людей, которые обычно не являются героями биографий. Их судьбы могут быть тоже очень достойными внимания, но, к сожалению, «сухой и грубый крупный военачальник становится героем биографии, а душевная, добрая и высоко ценимая семьёй женщина – нет»⁶⁵.

На наш взгляд, такая ситуация сложилась из-за стандартных задач биографии – учить, наставлять, подавать пример. Как говорит тот же А. И. Рейтблат, «классический тип биографии» создает «универсальный персонаж: самый мудрый, самый отважный, самый справедливый»⁶⁶. Такого персонажа проще всего сделать из выдающегося человека.

И. Ф. Петровская спорит с Ю. М. Лотманом, не признавая деление на «людей с биографией» и без и утверждая, что историческая наука такого не приемлет, а значит, биографика тоже. История человечества творится всеми

---

⁶³ Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. доп. М., 1988. С.11.

⁶⁴ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте / Избранные статьи. Таллин, 1992. Т.1. С. 366.

⁶⁵ Рейтблат А. И. Писать поперек. С.181.

⁶⁶ Там же. С. 185.

людьми, а не только избранными, поэтому и изучать нужно судьбу каждого, – самого простого, обыкновенного – чтобы воссоздать картину общества в целом, картину того времени, когда жил герой⁶⁷. Поворот в сторону «рядового» человека называют «тенденцией к персонализации предмета истории» и свидетельствует о развитии микроистории. Биографии «маленьких» людей могут «пролить свет на неизученные аспекты прошлого»⁶⁸.

Я. А. Гордин возражает против написания биографий исключительно положительных людей, говоря о том, что это искажает истину. У людей создаётся впечатление, что историю творили только хорошие люди, что на самом деле далеко не так.

1.8 Роль биографа

По словам А. И. Рейтבלата, западные исследователи обратили внимание на биографа в конце XX века, то есть значительно раньше, чем отечественные. В «классической» «Биографии и культуре», написанной Г. О. Винокуром в 1927 году, о биографе разве что упомянуто. Он пишет, что биография – это не набор фактов, составляющих жизнь героя, а «конечный смысл всего пережитого и содеянного»⁶⁹. Закономерен вопрос А. И. Рейтבלата: «Что (кто) привносит смысл в личную жизнь, структурирует её и обеспечивает объективность познания?»⁷⁰

А. И. Рейтблат пишет, что для читателя автор биографии обычно не представляет интереса, он лишь «орган общества, средство фиксации вне его и независимо от него существующей биографии». Для биографа же написание такого труда – «собрание самого себя» одновременно с «собранием» из фактов своего персонажа. Биограф получает возможность

---

⁶⁷Петровская И. Ф. Биографика. С.18.

⁶⁸Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия. // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М., 2010. С. 7.

⁶⁹Винокур. Г. О. С. 55.

⁷⁰Рейтблат А. И. Писать поперек. С.180.

«приобщиться к славе и известности» своего героя, выйти «из ряда «обычных» людей». Таким образом, автор и его персонаж находятся в «несимметричных» отношениях⁷¹. Определение, которое исследователь даёт биографу звучит так: это человек, «умеющий писать литературный текст», «как правило, высоко ценящий своего героя», «стоящий ниже биографируемого по статусу»⁷².

Позиция И. Я. Лосиевского в корне отличается от подобной точки зрения. Учёный настаивает на существовании такой проблемы в изучении биографии, как проблема конгениальности. Он говорит о том, что, чтобы получился «полнокровный» исторический образ, писать о нём должен человек достойный, «равновеликий» «первоавтору»⁷³. Биограф должен быть не только хорошим учёным и художником, но и обладать некой общностью «духовного мира и душевного склада», возможно, даже судьбы со своим героем. Мера «соизбранности» биографа исторической личности здесь очень важна⁷⁴. Он не должен затмевать героя, не должен навязывать свой мировоззрение. При этом И. Я. Лосиевский настаивает на том, что биограф – «главный субъект» биографии, несмотря на огромную роль «первоавтора», или «прототипа». Если биограф сократит присутствие «первоавтора» в тексте, то герой рискует получиться неживым, неправдоподобным и даже быть неузнанным. Главенство автора выражается в том, что «образ исторической личности, детерминированный прошлым, не есть восстановленное прошлое; оно опосредовано его, первоавтора, будущим (настоящим для биографа)»⁷⁵. А. Л. Валевский также выступает против

---

⁷¹ Там же. С. 184.

⁷² Там же. С. 183.

⁷³ Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 66.

⁷⁴ Там же. С. 67.

⁷⁵ Там же. С. 64.

тенденции «недооценки авторской личности», продвигая идею «полиавторства»⁷⁶.

И. Л. Беленький считает, что в биографии можно увидеть не только жизнь героя, но и жизнь автора жизнеописания. В тексте «в явном или неявном виде могут быть выражены фрагменты жизненного пути и все планы и уровни личности биографа: черты характера, ментальные структуры, пограничные ситуации, этос, картина мира, процесс его творческого развития и т. д.»⁷⁷. Такую же мысль можно найти в исследованиях Ю. М. Лотмана, правда, он, скорее, выражает опасения из-за того, что биограф легко может наделить героя своими чертами⁷⁸. И. Я. Лосиевский пишет, что биограф освещает все главные черты героя, но особое внимание уделяет тем, которые созвучны с ним самим. И в этом, как ни странно, он не видит нарушения требования научной объективности.

Многими учеными отмечается, что между биографом и биографируемым в процессе работы обязательно устанавливаются близкие отношения. Как сказал И. Л. Беленький, это «всегда и диалог, и борьба, взаимное противостояние»⁷⁹. А. И. Рейтблат считает, что изначально, выбирая личность, чью биографию хотелось бы создать, исследователь ориентируется на «свои мировоззренческие и эстетические предпочтения, общий образовательный и культурный горизонт, пол, сексуальную ориентацию и т.д.»⁸⁰. По мнению И. Я. Лосиевского, помимо знания истории, социологии, психологии и философии, биограф должен быть компетентным в той области, которой принадлежит герой исследования.

И. Ф. Петровская уверена – не каждый может написать научную биографию. «Биография Другого не получится у человека самовлюбленного,

---

⁷⁶Валевский А. Л. Основания биографики. С. 87.

⁷⁷Беленький И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции. С. 45.

⁷⁸Лотман Ю. М. Двойной портрет. Б В. Томашевский и Г. А. Гуковский //Знание – сила. 1995. №9. С. 100-109.

⁷⁹Беленький И. Л. С. 51.

⁸⁰Рейтблат А. И. Писать поперек. С. 187.

самонадеянного, с «комплексом сверхполноценности», слишком уверенного в своих возможностях понять, постичь, склонного к поспешным умозаключениям»⁸¹. Биографу необходимо помнить, что герой – человек своей эпохи и своей среды, не стоит опираться на собственный опыт, нужно попытаться понять Другого, насколько это возможно, исходя не в последнюю очередь из жизни его современников, – их интересов, переживаний – что можно узнать из исторических источников. Нельзя также делать поспешных выводов, обобщать, важно сомневаться и высказывать предположения. Кроме того, биограф должен любить историю и своего героя, «даже если он негодяй»⁸².

И. Л. Беленький считает, что «в биографическом тексте, в явном или неявном виде, могут быть выражены фрагменты жизненного пути и все планы и уровни личности биографа: черты характера, ментальные структуры, пограничные ситуации, этос, картина мира, процесс его творческого развития и т.д.»⁸³. Т. А. Павлова поддерживает эту позицию: «В биографии как ни в каком ином жанре автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя – и особенности, и требования, и сущность своего времени». Она видит главную особенность биографии в «диалектическом противоречии» между героем биографии, «вписанным в своё время и неразрывно связанным с ним» и биографом, «испытывающим столь же глубокую и разностороннюю зависимость от своей эпохи, своего времени»⁸⁴.

1.9 Биография писателя как особый вид биографии

---

⁸¹ Петровская И. Ф. Биографика. С. 37.

⁸² Там же. С.39.

⁸³ Беленький И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции. С. 52.

⁸⁴ Цит. по: Ретина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия. С. 7.

Из всех существующих видов биографии особое место занимает биография писателей, или литературная биография. Первые писательские биографии в России появились во второй половине XVIII века благодаря Н. И. Новикову, который хотел оставить память о русских писателях в истории. Чтобы выполнить эту задачу требовалось немного – указать краткие сведения о жизни и творчестве.

Первой крупной биографией писателя стала работа П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине, в которой автору удалось связать воедино творческую жизнь героя и общественную. П. А. Вяземский свою заслугу видел в том, чтобы «одинокое лицо писателя Фон-Визина вошло в общественную жизнь эпохи и современная ему эпоха обставила живую рамою <...> его изображение»⁸⁵.

По мнению С. Зенкина, «биография – это способ приблизить писателя к нашей эпохе, ввести его в нашу современную литературную ситуацию, установить с ним более или менее прямой диалог»⁸⁶. А. А. Холиков отмечает увеличение интереса к писательским биографиям в последнее время, в чём он видит «и потребность переосмыслить роль выдающихся писателей в судьбе России, и желание познакомиться с некогда запрещёнными авторами, и поиск героя, увы, не нашего времени»⁸⁷. Главной особенностью писательской биографии М. М. Бахтин считает то, что биограф «переступает границу, разделяющую «науку» и «литературу», стремясь «вжиться в объект»⁸⁸.

Основная проблема, которая стоит перед исследователями литературных биографий, – это вопрос жизни и творчества писателя, точнее, их соотношения в биографии. Казалось бы, такая проблема не должна существовать вообще, ведь деятельность – это значительная часть жизни

---

⁸⁵Вяземский П. А. Фон-Визин. СПб., 1848. С. 4-5.

⁸⁶Биографии и конрбиографии. С Жаком Нефом беседует Сергей Зенкин // Иностранная литература, 2000. № 4. С. 279.

⁸⁷Холиков А. А. Писательская биография: жанр без правил // Вопросы литературы, 2008. № 6. С. 52.

⁸⁸Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С.187.

человека, а деятельность писателя – это его произведения. В чём тогда вопрос? А вопрос в том, как именно рассматривать творчество писателя – как факты жизни личности, как объекты литературоведческого интереса или, может быть, разговор о творчестве писателя вообще не должен входить в его биографию?

В диссертации «Биография писателя как теоретико-литературная проблема» А. А. Холиков предлагает рассматривать личность писателя как минимум на трёх уровнях: бытовом, сверхбытовом и сущностном. Бытовой – это биографические факты, не относящиеся к творческой деятельности. Сверхбытовой рассматривает жизнь в связи с творчеством. Сущностный обобщает два эти подхода и изучает жизнь и творчество писателя в единстве.

Но не все учёные считают, что творчеству писателя нужно уделять внимание в биографии. Так, М. О. Чудакова настаивает на том, что творчество и жизнь писателя надо рассматривать отдельно. Творчество в писательской биографии лишь вспомогательный материал, нужный исключительно в тех случаях, когда есть связь с событиями жизни. Д. Д. Благой – сторонник социальной биографии – также считает, что «литературное наследие – подсобный материал политизированного биографа, интересующегося, прежде всего, отражённым в творчестве мировоззрения художника, характером запечатления в его произведениях исторической действительности»⁸⁹. Это вполне соответствует установкам советского литературоведения – «приоритет социального, недоверие к личному, акцент на социальной детерминированности творческой личности»⁹⁰. Однако Д. Д. Благой всё-таки соглашается с тем, что опускать творчество писателя – значит, «игнорировать главное»⁹¹.

Б. Бурсов и И. Я. Лосиевский спорят с М. О. Чудаковой, утверждая, что творчество и факты жизни писателя – это единое целое. И. Я. Лосиевский

---

⁸⁹ Цит. по: *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 23.

⁹⁰ *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 23.

⁹¹ Цит. по: *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 30.

находит противоречия в её концепции. С одной стороны, она утверждает, что творчество не отклоняется от своей основной линии, что бы ни происходило в жизни писателя, с другой, что часто в произведениях можно видеть параллели с реальностью. Придерживаясь в целом позиции разделения жизни и творчества, она утверждает, что писатель и его творения взаимопроникают друг в друга, в произведениях автора мы видим его отражение, а сами они являются связующим началом всей его жизни.

По мнению И. Я. Лосиевского, творчество – это «энергетическое ядро биографического исследования»⁹², в этом он соглашается с П. В. Анненковым, который считал, что творчество писателя – главное для биографа, что биография А. С. Пушкина читается в его произведениях, потому что они были порождены ходом самой жизни. И. Я. Лосиевский настаивает на том, что сочинения необходимо рассматривать именно как реалии жизни их создателя, а не только как отдельные произведения с их творческой историей. Учёный также не понимает страха некоторых биографов углубиться в литературоведческий анализ. На его взгляд, такое углубление гораздо лучше, чем игнорирование творческой стороны жизни писателя. Как можно не рассказывать о его творчестве, если создание каждого произведения, если сам текст – это факты биографии писателя, если это и есть его жизнь?

Биографию учёного проще разделить на «жизнь» и «науку», чем жизнь писателя на «жизнь» и «творчество». «Двоемирие» – это то, что создаёт личность писателя: «жизненный и творческий его миры не разобщены и не только соприкасаются и связаны между собой <...>, но активно взаимодействуют, пересекаются, сливаются, презрев границы между собой»⁹³. Чтобы не вычленять из каждого произведения писателя факты его биографии, биограф должен быть учёным-литературоведом, по мнению И. Я. Лосиевского. Произведение интересует его с точки зрения не только

---

⁹² Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 31.

⁹³ Там же. С.30.

проявления героя биографии в нём, но и как текст, т.е. «эстетическое бытие личности». Биограф не должен замыкаться исключительно на герое биографии – следует изучить «его литературное окружение, особенности литературного быта, а также мир литературной и читательской рецепции»⁹⁴.

Глава 2. Биографии А. П. Чехова в серии «ЖЗЛ»

2.1 Серия «ЖЗЛ»

Книжная серия «Жизнь замечательных людей» была основана в 1890 году издателем Ф. Ф. Павленковым и стала первой в России биографической серией. Известный просветитель планировал выпустить 200 книг о лучших людях человечества. За 25 лет, до 1915 года было выпущено 184 биографии, которые переиздавались 40 раз в эти годы, из них 64 книги посвящены русским писателям-классикам.

В 1933 году А. М. Горький решил продолжить дело Ф. Ф. Павленкова. Книги издавались сначала «Журнально-газетным объединением», затем «Молодой гвардией». Появление новых биографий не прекращалось никогда, даже в тяжёлые для страны времена.

Как пишет С. Земляной, А. М. Горький пытался «возместить очевидный для него провал умственно нищей марксистско-большевистской теории “нового человека”. <...> Его должны были возместить Воскрешённые Отцы – “Замечательные люди” науки, промышленности и культуры». Их жизни обрабатывались «под агиографическое повествование о новой “святости” <...> за счёт сильнейшего перераспределения и отбраковки жизненного материала. То есть за счёт неправды – фактической и нравственной»⁹⁵. Г. В. Померанцева поддерживает эту мысль: «Отсеивалось как ненужное всё частное, личное в биографии героя, линия жизни распрямлялась. Герой

---

⁹⁴ Там же. С.32. Разрядка авторская.

⁹⁵ Цит. по: *Лосиевский И. Я.* Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 27.

становился на котурны, приобретал свойственную тому времени монументальность»⁹⁶.

Исполняя запросы партии, «ЖЗЛ» придерживалась то «пути агрессивного русофильства» (в 40-х), то «программы русского консерватизма» (60-е – 90-е)⁹⁷. Кроме того, в 60-х, как пишет И. Я. Лосиевский «ЖЗЛ» стала требовать от авторов создания художественно-документальных биографий, а не научно-художественных, как было раньше. Теперь биографу нужно было не просто рассказать про личность, нужно было создать художественный образ. Кроме того, одним из условий стало большое количество диалогов и даже добавление вымышленных второстепенных персонажей.

Сейчас «ЖЗЛ» не ограничивает авторов никакими рамками, не задаёт определённое направление. Биограф свободен выбирать, каким именно будет его произведение – научным или научно-художественным.

В 2001 году вышла тысячная книга «ЖЗЛ», если считать тома Ф. Ф. Павленкова. С тех пор каждой новой биографии даётся два номера – один с точкой отсчёта от 1890 года, другой с 1933. Если верить сайту «Молодой гвардии», то «за 125 лет издано более 1700 книг серии, общий тираж которых превысил 250 миллионов экземпляров»⁹⁸.

2.2 Ю. В. Соболев «Чехов»

В 1934 году в серии «ЖЗЛ» вышла уже вторая биография А. П. Чехова: первая была написана в 1929 году П. С. Коганом и представляла собой биографический очерк. Автором новой биографии стал Ю. В. Соболев (1887 – 1940) – режиссер, театровед, журналист и большой поклонник творчества А. П. Чехова. Ю. В. Соболев написал несколько работ, посвящённых любимому писателю, последняя вышла в серии «ЖЗЛ».

---

⁹⁶ Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. С. 96.

⁹⁷ Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. С. 128.

⁹⁸ Молодая гвардия: официальный сайт издательства: [Электронный ресурс]. URL: <http://gvardiya.ru>

Биография включает 6 глав, библиографию и источники, а также хронологическую канву, что является обязательным элементом биографий «ЖЗЛ». Названия глав: «В Таганроге», «В восьмидесятые годы», «Годы перелома», «Зрелость», «Предсмертный Чехов», «Чехов-писатель» – имеют типичные, очень конкретные названия. Так же выглядят и главки, из названий которых очень просто понять, о чём дальше пойдёт речь, например, «Продажа Марксу «права собственности», «Первая книга», «”Чайка” освистана» и т.д. Есть однако несколько заглавий-цитат, взятых из писем А. П. Чехова («В литературе я – Потёмкин», «Я хотел бы быть свободным художником...»), и видны также редкие попытки добавить художественности («“Литературная купель”», «Суворинская отравка», «Дрейфус – Золя, Чехов-Суворин»).

Не секрет, что жизнь А. П. Чехова не отличалась особой насыщенностью событиями (как отмечал И. Н. Сухих, писатель «не скрывал тайны происхождения», «не стрелялся на дуэлях», «не стоял на эшафоте и не был на каторге»⁹⁹ и много другого тоже не делал). Тем важнее выработать «конструктивную идею», которая поможет биографу «склеить» факты жизни писателя в единое целое¹⁰⁰. И. Н. Сухих настаивает на том, что биографам А. П. Чехова необходимо найти его «формулу судьбы» и изменить «модус торжествующего победителя или напрасной жертвы» на «модус долга», продемонстрировав «драматизм обычной судьбы, противостоящей времени»¹⁰¹.

На наш взгляд, биография Ю. В. Соболева – это яркий пример биографии, объединённой «конструктивной идеей». Избрав её с самого начала, автор, кажется, ни на секунду не забывает о ней на протяжении всего повествования. Она заявлена уже в эпиграфе и определяет ту самую

---

⁹⁹ Сухих И. Н. Чехов: Биография как проблема (Несколько положений) // Биография Чехова: итоги и перспективы: материалы Международной научной конференции [Текст]; сост. Н. Ф. Иванова. Великий Новгород, 2008. С. 30.

¹⁰⁰ Там же. С. 30

¹⁰¹ Там же. С. 37

«внутреннюю логику» жизни А. П. Чехова, которую стремился показать Ю. М. Лотман в биографии А. С. Пушкина. Эта «определяющая логика» не позволяет герою биографии стать рабом обстоятельств, он возвышается над ними, выстраивая собственную линию несмотря ни на что¹⁰².

Эпиграфом к биографии стало одно из самых известных сегодня (не заслуга ли это Ю. В. Соболева?) высказываний А. П. Чехова: «...Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чиновничестве, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без галош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, – только из сознания своего ничтожества, напишите как этот молодой человек выдавливал из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая»¹⁰³.

Таким образом биограф обозначил основное направление исследования – изучение человека, постепенно превращающегося из раба в свободную личность. Причём превращающегося, конечно, не быстро и легко, а постепенно, благодаря непрерывной работе над собой, ежедневному «сосредоточенному нравственному усилию»¹⁰⁴.

На самом первом этапе жизненного пути, в детстве, Антоша уже не был свободен. «Внук и сын крепостных» (3; 8), сам он уже крепостным не был, поскольку ещё его деду удалось выкупить всю семью. Несвободен он был от другого – от отцовской системы воспитания: от пения в церковном хоре – главном увлечении Павла Егоровича, от работы в лавке – кормилице всей семьи, от порки – обязательного, по мнению отца, наказания. Мещанские

---

¹⁰² Цит. по: *Сухих И. Н.* Чехов: Биография как проблема (Несколько положений). С. 36.

¹⁰³ *Соболев Ю. В.* Чехов. М., 2015. С. 5. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием порядкового номера книги и страницы.

¹⁰⁴ *Сухих И. Н.* Чехов: Биография как проблема (Несколько положений). С. 36.

нравы, царившие в семье, вызывали у чуткого Антона внутренний протест, но ничего поделать с ними он не мог – был слишком мал.

Описывая жизнь Чеховых, Ю. В. Соболев обращает особенное внимание на личность главы семейства. В целом, несмотря на крутость его нрава, на огромную долю самодурства в характере, на слишком жёсткие порядки, установленные им, биограф относится к нему весьма благосклонно и будто не хочет признавать за Павлом Егоровичем замашки тирана. Он призывает читателя обратить внимание на жестокое время («Человек старого закала, он прошёл суровую школу, в которой телесное наказание было обычным») (3; 7), которое не могло сделать из Чехова-старшего человека с другими взглядами. Он говорит о его талантах («Павел Егорович коммерсант, но в душе он художник. Играет на скрипке, пишет красками»)(3; 8), в том числе и о любви к хоровому пению, которому он отдавал всю душу. Отец старался привить детям веру, хотел, чтобы они ходили в церковь и соблюдали обряды, но получалось, что он насаждал религию и, наоборот, внушал к ней неприязнь.

Ю. В. Соболев стремится доказать, что отец мучил родных не со зла, он просто не знал иного пути. При этом он придавал большое значение образованию детей – они учились в гимназии, домой приходили учителя языков и музыки.

Мать, Евгения Яковлевна, в изображении биографа, была сущим ангелом («человек любящего сердца, вся её жизнь заключалась в детях») (3;10). По словам автора, она «защищала их от гнева отца и делала такие поблажки, за которые сурово ворчал Павел Егорович»(3; 10). «Сурово ворчал» Ю. В. Соболева очень отличается от чеховского «деспотизм и ложь исковеркали молодость <...> матери»; «деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать» (3; 12).

«Не следует, однако, рисовать детство Чехова сплошь чёрной краской» (3;14), – пишет автор в главе «Каникулы и развлечения», хотя благодаря смягчению некоторых фактов мрачного впечатления от детства А. П. Чехова у читателя и не возникло. «Антоша был очень подвижным, здоровым мальчиком, неистощимым на затеи». Азартный птицелов и

рыболов, он также увлекался пародированием знакомых и разыгрыванием спектаклей. Актёрский талант отмечался всеми его родственниками.

Целую главку Ю. В. Соболев посвящает учителям гимназии. Кое-что из их судеб и характеров мы увидим впоследствии в произведениях А. П. Чехова. Особую роль в жизни А. П. Чехова сыграл законоучитель протоирей Ф. Покровский. Именно он дал ученику забавное прозвище «Чехонте». В будущем он стал настоящим поклонником писателя, и между ними велась переписка. Но, несмотря на дружеские отношения, А. П. Чехов иногда видел священника в повторяющемся ночном кошмаре. Этот сон идёт из детства и связан с тем моментом, когда учитель сказал Евгении Яковлевне, что из её сыновей ничего путного не выйдет, только, может быть, из старшего. Ю. В. Соболев пишет: «Болезненно пережила это предсказание чадолюбивая Евгения Яковлевна!» (3; 25) Но ведь кошмары с неприятным священником в главной роли снились не ей, а Антону Павловичу. Это он пронёс горькую обиду на учителя через всю жизнь. Однако мнение Покровского сформировалось не просто так. Блестящим гимназистом Антон Чехов не был, два раза оставался на второй год, учился не из рук вон плохо, но сообразительностью и любознательностью не отличался.

Ю. В. Соболев нигде открыто не говорит о том, что семья жила тяжело, очень небогато. Читатель может догадаться об этом разве что по деталям. Отец был не слишком успешен в коммерции, поэтому хотел, чтобы дети умели зарабатывать деньги. Старшие сыновья обучались ремеслу. Почти все дети в доме работали: Иван переплетал, Александр занимался электрическими батареями. Биограф преподносит это в положительном ключе – детей приучали к труду с малых лет. Но причина крылась в другом – семье вечно не хватало денег. Не случайно Павел Егорович отдал сыновей Антона и Николая сначала не в гимназию, а в греческую школу. Знакомые сказали, что где греки – там и деньги.

Когда А. П. Чехову было 14 лет, семья переехала в новый дом. «Дом был неуклюжий и тесный. Он дорого обошёлся Павлу Егоровичу» (3; 30). Флигель отдавали жильцам, очевидно, не от хорошей жизни. Обо всех этих

«мелочах» биограф говорит, чтобы не покривить против истины, однако не акцентирует на них внимание. Но положение, близкое к нищенскому, не могло не действовать удручающе. Будучи в старших классах, Антон писал двоюродному брату, что самая большая его мечта – разбогатеть.

1876 – 1879 гг. Ю. В. Соболев назвал «таганрогским сидением» и «самой темной полосой чеховской биографии» (3; 51). Отец разорился и бежал от долгов в Москву к старшим сыновьям. Потом туда переехала вся семья, оставив Антона в Таганроге одного расплачиваться с долгами и заканчивать учёбу. «Брошенный на произвол судьбы, он не растерялся ни на минуту», «в нем неожиданно проявились черты упорной настойчивости, молодого упрямства и твердой решимости всеми средствами бороться с трудностями» (3; 52). Детство закончилось.

В этом периоде автору, во-первых, было важно показать, что годы, проведённые А. П. Чеховым «в таганрогском одиночестве, были годами не только борьбы за существование, но и началом роста его самосознания» (3; 61).

Во-вторых, Ю. В. Соболев, приводя цитаты из писем брата Александра, отмечает, что тот уже начал процесс выдавливания из себя раба. Мещанские порядки, которые Павел Егорович установил, даже переехав в Москву (распорядок дня, обязанности каждого члена семьи), раздражали Александра, он писал об этом Антону, передавая и ему свою неприязнь.

В-третьих, биограф наконец был вынужден сказать о реальном положении дел семьи, без прикрас – «бедность была вопиющая» (3; 65). В Таганрог шли жалобные неграмотные письма матери с вечными просьбами прислать денег, потому что нечего носить и нечего есть. Антону приходилось продавать старую утварь и таким образом хоть как-то поддерживать семью. Ю. В. Соболев предлагает читателям уникальный документ – письмо Евгении Яковлевны из архива А. П. Чехова, публикуемое впервые. «...Жаль что вы нам не сочувствуете», «так долго не пишешь, мы от тебя получили два письма наполненные шутками» (3; 72) – вот эти горькие и очевидно несправедливые слова матери сыну, который единственный из шести детей

помогал родителям. Желание Антона подбодрить родных, вселить в них уверенность в завтрашнем дне и стойкость к трудностям мать принимала за равнодушие.

В Таганроге у Антона оставался брат отца. Семья Митрофана Егоровича привечала Антона, он, бывало, заходил к ним, однако гостеприимством не злоупотреблял. Ю. В. Соболев не даёт почти никакого описания дяди А. П. Чехова. Однажды упоминает, что в его доме были «те же порядки, тот же религиозный дух» (3; 17), что и в доме Павла Егоровича, и даже больше, из-за рода деятельности – он был священником («Там попы, монахи, обязательное целование их рук») (3; 18). А ещё внезапно появляется такое определение – «расчётливый дядюшка Митрофан Егорович» (3; 69). Мысль свою биограф не продолжает, никаких доказательств не приводит, но мнение о дяде Антона формирует не слишком хорошее.

Ю. В. Соболев посвящает отдельную главку увлечению А. П. Чехова театром, которое проявилось в годы «таганрогского сидения». «Где искать истоки рано пробудившейся писательской страсти в Антоне Чехове? В театре...» (3;73) Гимназистам не разрешалось ходить туда, поэтому Антон переодевался в штатское и проникал на спектакли «незаконно». Дебют в писательстве, по словам биографа, состоялся в 1880 году, после окончания гимназии. Но ещё гимназистом А. П. Чехов сочинял «какие-то мелочи и анекдоты для тогдашних столичных юмористических журналов».

Целью автора в главке «Юношеский облик» было развенчание устоявшегося представления о юном А. П. Чехове как о пай-мальчике. «Но он вовсе не принадлежит к числу добродетельных юношеских натур, краснеющих от крепкого слова, бегущих от папиросы и робеющих перед стаканом вина. Напротив, Антоша рано познал изнанку жизни. Он не постник и не монах, как скажет он о себе позже. И он вспомнит, что были влияния, оставившие на нём нечистый след. Так, он сам признавался, что “тайны любви” постиг в тринадцать лет. Он понимает толк в табаке и аккуратно снабжает им московских братьев. Любит праздники, свадьбы и прочие торжества, сопряжённые “с винопийством”» (3; 78).

Биограф так же отмечает абсолютное отсутствие интереса юноши к политике, к «политическим спорам, уже звучавшим в эту эпоху героического начала борьбы “Народной воли” с самодержавием» (3; 79).

После окончания гимназии А. П. Чехов приехал в Москву, и началась «эпоха “Антоши Чехонте”», как Ю. В. Соболев назвал время чеховского «шатания по юмористическим журналам» (3; 83).

Говоря об этом периоде творчества А. П. Чехова, биограф одновременно и строг, и доброжелателен к начинающему писателю. С одной стороны, он указывает на недостатки произведений, с другой, благодушно прощает их ему. «Втянувшись в журнальную работу, всегда срочную и всегда выполняемую на потребу заказчика, Чехов часто неудачно острил и, что хуже, охотно удовлетворял грубые вкусы читателей “Стрекозы” и “Зрителя”» (3;89). Многие он писал «спустя рукава, не задумываясь» (3;89). Но это не так важно, «важно и ценно – та брызжущая весёлость, которой был полон молодой Чехов» (3;91). Да, бывали работы откровенно плохие, грубые, однако «в его маленьких рассказах уже звучала ненависть в тупой сытости, к пошлости, к обывательщине» (3; 93). На то это и начало, чтобы ошибаться и набираться опыта. Нужно было пробовать себя в публицистике, чтобы потом показать достойный уровень в «Сахалине». Просто необходимо было получить отказ от М. Н. Ермоловой играть в его пьесе на свой бенефис, чтобы позже создать новатором в драме.

«Литературной купелью» (3; 95) для А. П. Чехова стал журнал «Осколки», в котором он проработал пять лет. Журнал принадлежал Н. А. Лейкину, «популярному в купеческой и мещанской среде писателю, обладавшему несомненным, но очень грубым, неотесанным талантом». И всё-таки Ю. В. Соболев отдаёт дань «литературной порядочности», которая отличала «Осколки» от других подобных журналов.

Н. А. Лейкин буквально заставил А. П. Чехова, как бы сейчас сказали, вести постоянную рубрику «Осколки московской жизни». А. П. Чехов братья за это не хотел. Потому и «тон вымученный, юмор тяжеловатый,

сообщаемые факты почти всегда лишены общественной значимости и на многом лежит отпечаток развязного легкомыслия не без шовинистических оттенков» (3; 98). А всё дело в том, что А. П. Чехов еще не переживал тогда процесса «выдавливания рабьей крови».

Однако очень скоро, в главке «Этика “воспитанности”» мы читаем следующие строки: «Шёл трудный и сложный процесс воспитания личности, шёл по двум направлениям – в освобождении от рабьих, мещанских традиций, и в приобретении собственных точек зрения, собственных взглядов, мне всякой зависимости от прежний авторитетов» (3; 117). Автор противоречит сам себе, говоря, что, приехав в Москву, А.П. Чехов уже занялся своим перевоспитанием, при этом его «многописания» в восьмидесятые годы это как будто не касалось. Когда же наступило начало того процесса, которое биограф называет «выдавливанием рабской крови»? Конечно, конкретный момент назвать нельзя, ведь изменения происходили постепенно.

В семье «Антон занял положение хозяина» – «личность отца отошла на задний план» (3; 121). Дома избавление от мещанских нравов шло полным ходом. Всё чаще слышатся «резкие отрывочные замечания: «это неправда», «нужно быть справедливым», «не надо лгать» (3; 121). Брат Александр перестал быть авторитетом для Антона, они поменялись ролями. Теперь уже младший брат учил жизни старшего, опускающегося и спивающегося. Он отчитывал его, был строг. Поучал при этом и другого старшего брата – Николая. Тот тоже рано начал пить и губить свой талант художника. Письма А. П. Чехова братьям говорят «о необычайной возмужалости, об удивительной зрелости суждений, а ему ведь всего двадцать три года!» (3; 123)

В 1886 году А. П. Чехов стал сотрудничать с «Новым временем» и началась долгая дружба писателя с А. С. Сувориным. «Кончалась эпоха Антоши Чехонте. Многописанию и шатанию по журнальчикам пришёл конец» (3; 147).

В этом же году вышел сборник А. П. Чехова, состоящий из 77 рассказов. Из всех рецензий на всю жизнь он запомнил как минимум одну, написанную А. М. Скабичевским. В ней автор сокрушается, что «при первом же своем появлении на литературном поприще» молодой писатель «сразу записался в цех газетных клоунов». Правда, «в качестве клоуна держит себя очень скромно и умно – не впадая в скабрёзность, чужд пасквильного элемента, не льстит, одним словом, никаким низменным инстинктам толпы...» (3; 151) Критик не отказывает А. П. Чехову в таланте, однако ему жаль, что этот талант он растрачивает «на пустяки и пишет первое, что придет ему в голову, не раздумывая долго над содержанием своих рассказов» (3;151).

Вердикт А. М. Скабичевского суров: «Вообще книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства» (3; 151).

А. П. Чехов так никогда и не простит критика за такую рецензию, что говорит о том, что он был весьма самолюбив. Ведь сам же признавался в письме Д. В. Григоровичу, что «привык смотреть на свою работу снисходительно, соглашаясь с теми, кто утверждал, что она мелка», что он «относился к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря», что «не помнит ни одного рассказа, над которым работал бы более суток. <...> Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы. Машинально, полубессознательно, ни мало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом» (3; 135). Всё то же самое написал о нём А. М. Скабичевский, чем невероятно оскорбил А. П. Чехова.

Прекрасно понимая, что пора «вырастать» из газетной работы, А. П. Чехов, получается, не позволял другим смотреть презрительно на его творчество. Возможно, всё дело в тоне, каким написана статья критика – категоричном, обвинительном. Ранее, на письмо Д. В. Григоровича, в котором тот советует ему «беречь впечатления для труда обдуманного, отделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения» (3; 133). А. П. Чехов отвечает неожиданно тепло и искренне. Он

признаётся в том, что не ценит свой талант, не придаёт ему особого значения и, кроме того, больше занимается медициной, а не литературой.

Ю. В. Соболев в этой истории с А. М. Скабичевским однозначно стоит на стороне оскорблённого таланта. «Среди семидесяти семи вещей, помещенных в сборнике, мы с трудом наберем не больше десяти рассказиков, действительно ничтожных и составляющих тот пестрый сор, который самим Чеховым впоследствии был выброшен из редактируемого им собрания своих сочинений» (3; 156). Основу же книги составляют «такие перлы чеховского юмора, который моментами поднимается до яркости подлинной сатиры» (3; 154).

В 1887 году А. П. Чехов ездил в Таганрог. Это факт важен Ю. В. Соболеву, потому что он показывает, насколько к тому времени его герой стал далёк от мещанства. «Какие резкие, мучительные впечатления он вынес из этой поездки!» (3; 177) Всё ему было отвратительно. «Откуда всё это? Из ненависти к косному, застоявшемуся мещанскому быту» (3; 177).

В биографии Ю. В. Соболев довольно часто анализирует произведения А. П. Чехова. Так, он пишет, что оценка А. П. Чеховым своей повести «Степь» («не картина, а сухой, подробный перечень впечатлений, что-то вроде конспекта») «несправедлива» (3; 180). Повесть «создает неотразимое впечатление свежести, она действительно “пахнет сеном”. Тот новый прием в описаниях природы, который впервые был введен Чеховым еще в ранних его рассказах, здесь, в “Степи”, достигает своего полного раскрытия. То, что будет впоследствии названо критиками импрессионизмом Чехова, проступает в “Степи” с особенной отчетливостью, быть может даже с известной навязчивостью» (3; 181).

Абсолютно иное мнение Ю. В. Соболев выражает относительно больших повестей писателя. Все они – и «Дуэль», и «Три года», и «Моя жизнь», и «Мужики» – «построены плохо» (3; 182). Кроме того, «в них отсутствует самое важное – движение» (3; 182). А. П. Чехов, по мнению его биографа, «нашел свое полное выражение в новелле и в небольшой

повести» (3;183). Именно поэтому ни один из замыслов романа, которые периодически возникали в воображении писателя, не был воплощён.

В 1888 году – очень плодотворном для А. П. Чехова, как отмечает биограф, – писатель вновь взялся за публицистику. «В суворинском “Новом времени” он помещает ряд статей, если и не свидетельствующих о большом публицистическом темпераменте, то, во всяком случае, по манере письма и по серьезности затронутых тем, стоящих на много выше его “осколочных” заметок» (3; 193).

Особое внимание Ю. В. Соболев уделяет некрологу о Н. М. Пржевальском, «где с предельным для него темпераментом Чехов выражает свои тогдашние убеждения» (3; 194). По мнению биографа. А. П. Чехова привлекает личность великого путешественника, потому что он культреггер. «И сам Чехов хотел бы быть именно культуртрегером, причем рост страны он ставит в прямую зависимость от морального совершенствования общества. Но ведь такую программу защищало “Новое время”, и статья о Пржевальском, при всем уважении, которое питает Чехов к его памяти, не более чем отражение суворинской идеологии» (3; 195). Таким образом, Ю. В. Соболев отказывает А. П. Чехову в самостоятельном мировоззрении. «В эти переломные годы своей жизни, Чехов еще не освободился от “поклонения чужим мыслям”. А такое поклонение, по словам самого же Чехова, – один из признаков “рабьей крови”» (3; 197).

«Суворинская отравка» – главка, посвящённая отношениям А. П. Чехова с А. С. Сувориным. Название необычно для рассматриваемой биографии – во-первых, в основе его лежит метафора, а такая художественность не свойственна другим заглавиям работы Ю. В. Соболева, во-вторых, эта метафора имеет яркую отрицательную окраску.

Продажный, гнусный, грязный, зло, ненависть – вот небольшой, но весьма характерный список слов, которые использовал автор, говоря о деятельности А. С. Суворина. При этом Ю. В. Соболев отмечает, что как человек он был «блестящ, талантлив, умен, умел пленять» (3; 191). Именно благодаря какому-то невероятному человеческому обаянию ему удалось

удержать А. П. Чехова рядом с собой так долго, вплоть до 1898 года, когда прогремело «дело Дрейфуса» и оба встали наконец по разные стороны баррикад.

А. П. Чехов упорно отделял своего наставника от «Нового времени» – «боевого органа воинствующего великодержавного национализма», «газеты, которую так метко назвал Салтыков-Щедрин “Чего изволите”» (3; 196). И не он один! «В “Новом времени” печатались известные писатели, убежденные в том, что они сохраняют свою ”независимость” – им, очевидно, казалось, что их “чистая литература” – в фельетоне – непроницаемой стеной отгорожена от грязной политики газеты в целом» (3; 196). Личность А. С. Суворина представляется читателям почти магической – какое необъяснимое влияние он оказывал на некоторых людей, как умел вводить их в заблуждение!

«Чехов болезненно относился к разговорам, которые шли вокруг его отношений к Суворину и участию в “Новом времени”» (3; 198). На этой почве у него был конфликт с Н. К. Михайловским, который убеждал А. П. Чехова «порвать» с грязной газетой, которая является для него плохой школой. «Не индифферентны Ваши рассказы в “Новом времени” – они прямо служат злу» (3; 198). Письмо задело А. П. Чехова. Он долго не мог сочинить ответ, но в итоге написал, что он многим обязан А. С. Суворину и просит не вмешиваться в их личные дела, что никакой антипатии у него к газете нет и что Н. К. Михайловский представляет собой «аристократическую брезгливость ясной силы, не делающей чести её сердцу» (3; 199).

«Но может быть, суворинское влияние не принесло того зла, о котором говорил Чехову Михайловский?» (3; 201) – задаётся вопросом Ю. В. Соболев. «Нет, принесло. Оно на несколько лет затормозило его борьбу с внутренним рабом, наложило отпечаток на его политические взгляды, отразилось в его этике, нашло свой отклик в его суждениях об общественных явлениях» (3; 201). Биограф выступает обвинителем старого хитрого редактора, заманившего молодого писателя в свои сети. Он приводит примеры того, как А. П. Чехов говорит словами «учителя», повторяет его мысли, не замечая этого.

Говоря о принадлежности А. П. Чехова какому-либо политическому течению, Ю. В. Соболев стремится расставить все точки над «и». «Нет, надо прямо сказать, что Чехов, декларировавший о своей полной “беспартийности”, и очень боявшийся тех, кто, читая между строк, причислял его к либералам, на самом деле исповедовал тогда совершенно определенные лозунги и разделял совершенно определенную идеологию. Лозунги – нововременские, идеология – суворинская (3; 202)».

В 1890 году А. П. Чехов совершенно неожиданно для всех собрался ехать на Сахалин. Из всех возможных причин биограф выбирает одну – «скучно и нудно!» (3; 232), как пишет сам А. П. Чехов. «Так вот почему его тянет на Сахалин!» (3; 232) – восклицает биограф, добравшись, как ему кажется, до сути. «Пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели все-таки за всю поездку не случится таких двух-трех дней, о которых я буду вспоминать всю жизнь с восторгом или горечью?» (3; 233)

Поездка, конечно, не могла не повлиять на А. П. Чехова. «Сибирь и Сахалин поставили его лицом к современной ему действительности. <...> Впервые он увидел во всей обнажённости мерзость, на которой держался строй Российской империи, и недаром скорбел он о богатейшей Сибири, отданной на поток и разорение чиновникам» (3; 245).

Вернувшись в Петербург, А. П. Чехов стал хлопотать о сахалинских детях, им посылали гуманитарную помощь. Он также принимал участие в помощи голодающему крестьянству во многих губерниях России, как Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко. Однако Ю. В. Соболев суров к нему: «То, что сделал Чехов для голодающих, ни в коей мере не может быть сравнимо с деятельностью Толстого и Короленко» (3; 247). Биограф отмечает какое-то «благодущие» (3; 247) относительно правительства, которое запрещает помогать голодающим. Автор осуждает А. П. Чехова, считая, что во многих общественных и политических вопросах его позиция обывательская.

Ю. В. Соболев отмечает, что А. П. Чехов «переживает в эти годы сложный и трудный процесс душевного перелома» (3; 253). У писателя наблюдается рост «социального сознания» (3; 253), но очень медленный. «На

пути к освобождению от тех социальных предрассудков, которыми Чехов был окутан, перед ним стояли преграды и влияния, тормозившие его освобождение» (3;253). «Главным препятствием» (3; 253), конечно, по мнению биографа, был А. С. Суворин.

С ним после поездки на Сахалин А. П. Чехов путешествовал по Южной Европе. Эта поездка примечательна слухами, что А. П. Чехову за границей не понравилось. А всё дело только в том, что он был весьма сдержан в выражении восторгов, что вовсе не шло в противоречие с его характером. На самом же деле Европа впечатлила писателя, особенно Италия, о чём он писал родным. Однако порой что-то его смущало. Интересно замечание о Монте-Карло – «в воздухе висит что-то такое, что вы чувствуете – оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну» (3; 267).

Годами «творческой зрелости» А. П. Чехова Ю. В. Соболев называет «мелиховский период» (1892-1898 гг.) (3; 270). В 1892 году сбылась давняя мечта писателя – он купил «маленькое имение» (3; 267), Мелихово. Из запущенной усадьбы оно превратилось в уютнейший дом. Там А. П. Чехов жил с сестрой и родителями.

А. П. Чехов был занят важной общественной деятельностью. Он был санитарным врачом во время эпидемии холеры на Серпуховском уезде («Биографы и мемуаристы указывали, что Антон Павлович на эту должность был назначен, на самом деле он её принял добровольно и безвозмездно») (3; 272), заведующим счётным участком во время первой переписи населения Российской Империи; выстроил три школы и колокольню. Был награждён орденом Станислава третьей степени, о чём никому даже не рассказал. Кроме того, живя в Мелихове, А. П. Чехов никогда не отказывался лечить крестьян.

Пока А. П. Чехов мирно жил в деревне, в городе начинались политические волнения. Он знал про рабочие стачки 1896 года, но они никак на него не повлияли, пишет Ю.В. Соболев, марксистские идеи его тоже не захватили. Однако А. П. Чехов видел промышленный подъём, осознавал кризис сельского хозяйства. Все его произведения стали печататься в органах либеральной окраски – «Русская мысль» и «Русские ведомости». А. П. Чехов

наконец «порвал» с «Новым временем», но с А. С. Сувориным не переставал дружить ещё какое-то время.

А. П. Чехов присматривается с интересом к буржуазии, «с недоумением относится к капитализму» (3; 281). «Ни народник, ни марксист – он идёт дорогой одиночки» (3; 281). «Он индивидуалист», «совершенно чужд каким бы то ни было коллективистским устремлениям и враждебен всякой групповой или партийной дисциплине» (3; 282). За либералов он только потому, что они ближе всего к его взглядам.

К «зрелому» периоду Ю. В. Соболев относит также почти романтические отношения А. П. Чехова с Лидией Мизиновой и создание пьесы «Чайка». Период должен закончиться, конечно, яркой точкой, а в случае с нашим биографом даже восклицательным знаком. Свершилось! Дружба А. П. Чехова и А. С. Суворина подошла к концу! После антисемитского «дела Дрейфуса», прогремевшего во Франции, А. П. Чехов, как и большая часть осведомлённых с ситуацией людей, встала на сторону защитника и обличителя Золя. «Новое время» во главе с А. С. Сувориным «продолжало печатать погромные статьи и выливать ушаты грязи на всех, кто был на стороне Золя. Суворинская газета утверждала, что все защитники Дрейфуса подкуплены еврейским синдикатом» (3; 297).

«Дело Дрейфуса сыграло в жизни Чехова решающую роль» (3; 297). Он увидел всю гнусность «Нового времени», что наконец повлияло и на личные отношения с А. С. Сувориным. «Сняв с себя гнет воздействия Суворина, то есть перестав видеть в нем нравственный для себя авторитет, Чехов избавлялся и от всех последствий тех отрав, которыми заражала его суворинская идеология» (3; 298).

«Но этот процесс борьбы с внутренним “рабом” продолжает развиваться в направлении, повторяем, чисто этическом. Если Чехов избавился от тех или иных своих предвзятостей в отношении явлений социальной и политической жизни, то это еще вовсе не свидетельствует о наличии у него стройного и целостного мирозерцания. Да, он мог бы теперь из старой своей формулы – “я не консерватор, не либерал...” исключить слово “консерватор” и сказать,

что он стал либералом, мечтающим о конституции» (3; 301). «Было бы однако грубым упрощением строить схему, рисующую ход чеховского освобождения от “раба” по такой, примерно, линии: был сперва другом Суворина и сотрудником “Нового времени”, потом помирился с Гольцевым и “Русской мыслью” – и стал либералом. Это было гораздо сложнее и глубже. И только недооценкой значения сложнейших психологических процессов, которые шли в Чехове, можно было бы назвать это “переходом” из консервативного лагеря в либеральный» (3; 302). Эта упрощённая схема, действительно многим потом будет не давать покоя.

«Предсмертный» период жизни А. П. Чехова ознаменован открытием Художественного театра, созданием собственных принципов драмы, встречей и браком с О. Л. Книппер, но главное – окончательным освобождением от «внутреннего раба».

«С той самой минуты когда почувствовал, что в его жилах течёт не рабья, а настоящая человеческая кровь – он возлюбил справедливость» (3; 345), – пишет Ю. В. Соболев о А. П. Чехове в связи с тем, что писатель отказался от звания почётного академика после того, как этого звания лишили А. М. Горького. «Чехов свои доводы, разъясняющие невозможность для него пребывать в Академии, построил на мотивах глубоко этических: он поздравлял сердечно и он же признавал выборы недействительными» (3; 345).

Отдельная главка посвящена отношениям А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. Лет семь, как признавался А. П. Чехов, он болел идеями Л. Н. Толстого, принципами «непротивления». В 90-е окончательно охладел к ним, что видно в некоторых его произведениях, в особенности в «Палате №6». Биограф видит в освобождении от этих идей духовный рост Чехова и освобождение от раба.

Межличностные отношения писателей, их мнения относительно произведений друг друга – всё это описано, кажется, с большим усердием, чем отношения А. П. Чехова с О. Л. Книппер. Мы вовсе не хотим сказать, что Л. Н. Толстой играл более важную роль в жизни А. П. Чехова, чем жена. Нас

интересуют акценты, расставленные биографом. Главка «О. Л. Книппер – А. П. Чехов» по объёму уступает многим другим главам биографии да и названа довольно строго, безэмоционально. Глава про отношения с А. С. Сувориным, например, включает в себе метафору в названии, о чём мы уже говорили, кроме того, об их дружбе, а затем вражде написано автором не единожды.

Наше внимание привлекает очевидное «ущемление» любовного, а затем и семейного сюжета в жизни А. П. Чехова. Да, Ю. В. Соболев пишет, что «в предсмертные годы Чехова входит большая и искренняя любовь» (3; 389). Приводит цитаты из нежных писем А. П. Чехова жене. Отмечает, что оба супруга невероятно страдали в разлуке. Однако «большой и искренней любви» требуется больше внимания. Читатель, например, не видит писем жены мужу, ничего не знает об отношениях пары со слов родных и друзей. Собственно, мы и о самой О. Л. Книппер не знаем ничего, кроме того, что она актриса Художественного театра.

В главке «Лица» – одной из двух главок, посвящённых отношениям А. П. Чехова с женщинами – биограф отмечает, что его герой «хотел сильной любви, знал о ней и все-таки ушел. Равнодушие? Нет – это сложнее. То, что окружающим казалось выражением холодности Чехова к людям, на самом деле было свойством его писательской натуры» (3; 359). По мнению Ю. В. Соболева, А. П. Чехов избегал серьёзных чувств, предпочитал наблюдать за страстями со стороны.

Почему же тогда в О. Л. Книппер он непросто позволил себе влюбиться, но и даже женился на ней, хотя никогда в жизни серьёзно о своём возможном браке не говорил? Влияло ли на него осознание приближающей смерти, от которой бежать было бесполезно? Испытывал ли он к О. Л. Книппер настолько сильное чувство, что не мог ему противостоять? Читателю остаётся лишь догадываться.

Намного более пространно Ю. В. Соболев высказывается о меняющемся мировоззрении А. П. Чехова. «Страстный призыв к труду и горячая ненависть к пошлости» (3; 442) – вот то, что определяет предсмертные годы Чехова. И

хотя писатель далёк от марксизма, в его позиции биограф видит созвучность с теми идеям, которые всё активнее в то время завоёвывали умы.

«Не следует делать выводы о ясно осознанном политическом мировоззрении Чехова» (3; 443). «Не может быть и речи о революционных настроениях» писателя (3; 443). «Однако жестокая действительность разворачивалась перед ним. Он понимал, что не может быть просто “свободным художником”» (3; 443).

Литературоведческий анализ драматургии А. П. Чехова мы видим в главке «Вечный автор Художественного театра» и «Драматургия настроения». В них Ю. В. Соболев отмечает, что А. П. Чехов избавил театр от «грубого натурализма» и что главными его заботами были «чистота языка и отсутствие шаблона» (3; 478). Характерно для его пьес также наличие лейтмотивов у каждого героя. По мнению Ю. В. Соболева, своеобразие приёмов драматургии А. П. Чехова говорит о том, что он прежде всего беллетрист. Но это было и важным его минусом. «Он мыслил о сценических положениях и о развитии действия как эпический писатель, мало к тому же озабоченный созданием прочного сюжетного каркаса – сценария» (3; 482). Ю. В. Соболев говорит, что недостаток больших пьес А. П. Чехова в том, что сценарий «скроен из отдельных эпизодов, легко распадается на свои составные части и не подвергается существенным изменениям в случае произвольной перестановки порядка явлений», настолько он «рыхл и расплывчат» (3; 482).

Особенности и принципы творчества А. П. Чехова сформулированы автором в отдельной главке «Чехов – писатель», в которой он рассказал о языке произведений, о писательском методе, об импрессионизме, упоминавшемся в биографии ранее, и сделал вывод, что ни в прозе, ни в драматургии у этого писателя нет последователей, так как ни у кого не получается следовать его правилам.

Главка «Чехов в современности» отличается очень бодрым и жизнеутверждающим пафосом. Автор приводит слова М. Е. Кольцова: «Чехов должен быть разгримирован. Мы должны вернуть его в подлинном виде массам нового, пролетарского читателя как неиссякаемый источник

художественных образов, как обличителя отмирающей, но ещё живой «интеллигентщины», как беспощадного изобразителя всех слабых и отсталых слякотных сторон формирующегося заново российского гражданина» (3: 485). Очевидно, Ю. В. Соболев, работая над биографией, руководствовался именно этим призывом. Оставив в прошлом два типа изображения А. П. Чехова – как «поэта лишней людей», который «пишет в сумерках о хмурой русской жизни» и как писателя, «мечтающего о той жизни, которая будет невообразимо прекрасной через 200-300 лет» – Ю. В. Соболев создаёт новый образ – образ «морально выпрямившегося человека» (3; 485).

«Мы видели, что путь внутреннего освобождения был путем трудным, извилистым и приводившим, казалось бы, в такие моральные тупики, откуда нельзя выбраться на широкую прямую дорогу. Но Чехов каждый раз призывал на помощь свою чуткость, свою ненависть к авторитетам, свое безграничное уважение к человеческому гению и находил выход» (3; 487).

Говоря о А. П. Чехове как о «человеке огромного социального оптимизма, натуре активной, деятельно проявившей себя хотя бы в скромной сфере культуртрегерства – в качестве земского врача, попечителя и строителя школ», о «человеке большой воли, страстной жажды жизни и новых впечатлений», автору прежде всего интересно, «выразителем чьей идеологии он был» (3; 488). Он не принял ни одну идею – ни народническую, ни марксистскую, ни толстовскую, при этом «не увлекся ни игрой в эстетические бирюльки, ни мистикой, ни религией» (3; 488). Он рисовал в своих произведениях «казённую страну Россию» (3; 488) и верил в светлое будущее через 200-300 лет. «Мы же каждой нашей новой пятилеткой эти сроки бесконечно ускоряем» (3; 489), – утверждает Ю. В. Соболев.

Помимо основной идеи биографии, стоит отметить ещё несколько важных моментов. Во-первых, при довольно скромном объёме биографии (336 страниц), автору удалось сделать очень много: проанализировать и представить большое количество документов (о чём свидетельствует обширный список библиографии и источников в конце книги), описать

судьбу А. П. Чехова во всех её главных событиях, рассказать о его современниках, проанализировать произведения и показать рост профессионализма писателя, проследить становление его мировоззрения и формирования чётких жизненных позиций.

Во-вторых, несомненным преимуществом данной биографии является наличие маленьких справок о современниках А. П. Чехова – родственниках, друзьях, «коллегах по цеху». Краткая информация о каждом человеке, впервые упоминающемся в биографии, располагается непосредственно в тексте, в скобках. Одни справки пишутся об известных людях (В. Г. Короленко), другие о неизвестных широкому читателю личностях (В. П. Буренин), некоторые предельно краткие (про И. И. Левитана написано только то, что он художник и был другом сначала Николая Чехова, потом Антона), остальные занимают полстраницы (брат Александр). Вовлекая в повествование разные персоналии, окружавшие А. П. Чехова, автор расширяет границы биографии и рассказ выходит за рамки разговора об одном человеке.

В-третьих, в биографии довольно часто встречаются цитаты из критических статей, воспоминаний, писем А. П. Чехова и А. П. Чехову. Все они делают биографию более достоверной, чем если бы все события жизни писателя были представлены в пересказе и интерпретации биографа. Хотя, бесспорно, в самом отборе документов всегда большую роль играет субъективность автора. Все цитаты органично вплетены в текст, они перемежаются с комментариями биографа, создавая единство жизнеописания А. П. Чехова.

2.3 В. В. Ермилов «Чехов. 1860-1904»

В. В. Ермилов (1904-1965 гг.) – советский критик и литературовед, придерживавшийся в своих работах «линии партии». Прежде чем написать биографию А. П. Чехова, он защитил о нём докторскую диссертацию в ИМЛИ. Биография была написана в 1946 году, позже опубликована ещё два

раза: в 1949 и 1951 гг. В 1950 году В. В. Ермилов получил Сталинскую премию второй степени за книги «А. П. Чехов» и «Драматургия Чехова».

Однако премия была дана небезоговорочно. В отчёте секретаря Союза советских писателей Льва Субоцкого было написано, что «влюблённость автора в дорогой сердцу каждого советского человека образ Чехова приводит Ермилова к некоторым ошибкам. Резко возражая биографам, приписывавшим Чехову философию политического обывателя, автор не всегда с должной решительностью говорит о том, что Чехову была свойственна известная аполитичность, что великий писатель стоял в стороне от политической борьбы. Пытаясь оправдать Чехова, Ермилов недостаточно чётко характеризует 80-е годы в России, которые были не “годами безвременья”, а периодом революционных сдвигов и собирания сил русской революции»¹⁰⁵.

Попробуем разобраться, справедливы ли эти «обвинения». В главе «Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!» читаем следующие слова: «Антоша был далеко от прямых, непосредственно политических интересов» (1; 115). «Аполитичность сказывалась у Чехова и в более зрелые годы, когда у него уже выработалось его атеистическое и материалистическое мировоззрение» (1; 112). Автор говорит о том, что А. П. Чехов всегда больше занимался тем, чтобы сформулировать свои этические и моральные принципы. «Он сознательно вырабатывал свой моральный кодекс человека» (1; 110). Он называет и причины того, что писатель в юности не имел определённой политической позиции: «глухой город, потерявший к тому времени бывшее экономическое значение, мещанское окружение, отсутствие глубоких связей со сверстниками» (1; 110). Считая мировоззрение А. П. Чехова однобоким, он однако видит, что «в его этическом кодексе сказывались и демократизм, и влияния передовой русской литературы, и ненависть к мещанству» (1; 115). Всё это, как пишет В. В. Ермилов, подготовило «последовавший в будущем процесс постепенного, медленного, трудного преодоления аполитичности»(1; 115).

---

¹⁰⁵ Огрызко В. Громила советской литературы //Литературная Россия on-line. URL: <http://web.archive.org/web/20111020105035/http://www.litrossia.ru/2011/37/06485.html>

Итак, о преодолении аполитичности заявлено в первых главах. В комментарии секретаря Союза писателей необычайно мягко говорится о том, что биограф «не всегда с должной решительностью говорит о том, что Чехову была свойственна известная аполитичность». Но в действительности он не просто не говорит об аполитичности, а утверждает, что А. П. Чехов её изжил. Да, был аполитичен и в юности, и даже в зрелые годы, но ведь изменился же!

В следующий раз В. В. Ермилов обращается к этой теме в главе «Мастер». Говоря о творчестве писателя, о героях его произведений, автор на самом деле имеет в виду жизнь самого А. П. Чехова и его политические воззрения. «В его творчестве отразились и все лучшие и слабые стороны русской трудовой, низовой интеллигенции, с её демократичностью, отвращением в паразитизму, нежеланием идти на службу к собственническому обществу, к дворянству и буржуазии, недоверием к барскому и буржуазному либерализму, – и вместе с тем с характерной для мелкобуржуазной интеллигенции аполитичностью, отдалённостью от революционного пути и с неизбежными поэтому влияниями либеральных и отвлечённо-гуманистических представлений» (1; 151).

Размышления автора о политических взглядах своего героя становятся от главы к главе всё пространнее. В главе «Его друзья и враги» В. В. Ермилов пишет: «Чехов преодолевал в своём творчестве либерально-гуманные предрассудки, хотя, разумеется, он не мог преодолеть их до конца, потому что для этого требовалось то, чего у него не было: связь с революционным движением эпохи» (1; 156).

Глава «Трудное время» рассказывает о «Садово-кудринском периоде» периоде жизни, внешне счастливым, но внутренне очень напряжённом. Тоску писателя, на которую он не раз жалуется в письмах, вопросы о смысле его творчества и жизни в целом, которые он задаёт себе, нежелание оставаться в одиночестве, и именно поэтому в доме всегда много гостей – всё это для биографа является явными признаками желания А. П. Чехова принадлежать какому-либо политическому направлению. Но «эпоха восьмидесятых годов, казалось Чехову, не выдвигала никаких больших политических идеалов. Она

представлялась “аполитичной”» (1; 170). Автор считает, что А. П. Чехов уже был готов приобщиться к политике, но не находил тех сил, к которым он мог бы присоединиться. «Так, Чехов и в конце восьмидесятых годов оставался аполитичным, но теперь уже не из равнодушия к политике, а из чувства бесплодности всей известной ему “политики”, не способной хоть что-нибудь изменить в жизни» (1; 178). «Политические группировки казались ему “невежественными”»(1; 178).

А ведь его творчество «уже характеризуется прогрессивным, передовым, демократическим мировоззрением» (1; 182). Автор спорит с мнением А. П. Чехова о том, что у него «нет мировоззрения», как будто стараясь убедить его в том, что мировоззрение у него было, о чём свидетельствует хотя бы рассказ «Огни», показывающий, что его автор «занимал передовую позицию в идейной борьбе, выступая против реакционных, упадочнических идей своей эпохи» (1; 182).

В. В. Ермилов говорит о том, что «беспартийность» давала А. П. Чехову ту свободу, которая «означала более объективное, чем у либеральных и народнических писателей, изображение реальной действительности, это была свобода от обветшалых, ставших уже глубоко реакционными догм, насилующих объективную действительность, ход истории» (1; 184). Кроме того, она позволяла «разоблачалась узость, мелкотравчатость земского либерализма» (1; 184).

С другой стороны, отрицая все существовавшие политические течения, А. П. Чехов упускал что-то очень важное, по мнению В. В. Ермилова. Что? Очевидно, он упустил марксизм. «Тоскуя о политической жизни, об определённом мировоззрении, в которое входила бы и ясная политическая программа, он одновременно сам закрывал себе дорогу к обретению такого мировоззрения» (1; 189). «Это, несомненно, было одной из причин того, что Чехов так до конца своих дней и “не удосужился” познакомиться с тем, что составляло в девяностых годах, – не говоря уже о девятисотых, – главное содержание всей политической, всей духовной жизни страны: с ростом

рабочего революционного движения, с теорией марксизма», – сокрушается автор (1; 191).

С искренней горечью и сожалением В. В. Ермилов пишет, что любимейший советский писатель «заранее был предубеждён против этой новой партии просто потому, что она была “партия”. Его представление о марксизме (он был знаком только с “легальным марксизмом”) так и осталось до конца своих дней до смешного искажённым и наивным» (1; 191).

Зачатки марксизма появились в 80-х годах XIX века, говорит В. В. Ермилов. «Та самая эпоха, которая известна как “безвременье”, вместе с тем вошла в историю родины и как эпоха выработки нового мировоззрения. Умерли старые идеалы, в страданиях и борьбе созревали новые. Конец прежних идеалов был виден, созревание новых совершалось пока ещё в скрытой глубине истории» (1; 193).

Вспомним слова Льва Субоцкого: «...Ермилов недостаточно чётко характеризует 80-е годы в России, которые были не “годами безвременья”, а периодом революционных сдвигов и собирания сил русской революции». В. В. Ермилов, как мы видим, не отрицает того, что это время стало подготовкой к великим переменам, но не назвать это эпохой «безвременья» тоже не мог, поскольку именно в таком виде этот период закрепился в истории России.

Ещё недавно, несколько абзацев назад биограф радовался свободе А. П. Чехова от политических направлений. Сейчас же оказывается, что то, что его герой не был ни либералом, ни народником – это, конечно, радует, но то, что он также и не был марксистом не может не расстраивать. Поэтому вполне логично, что и произведения его полны недостатков: «ограниченность художественного зрения писателя», «неполнота картины русской жизни в его произведениях», «отсутствие образов целеустремлённых, сильных, волевых русских людей, способных к действию» (1; 203).

Отсутствие какой-либо определённой позиции повлекло за собой то, что А. П. Чехов на долгие годы оказался в цепких руках А. С. Суворина. В. В. Ермилов высказывается о «ласковом враге» в весьма неласковых

выражениях, называя его «беспринципным реакционным политиканом», «старым царедворцем», «виртуозом искренней лжи», «старым лукавцем» (1; 73). Все эти имена связаны так или иначе с хитростью известного редактора – умением обставить всё так, чтобы показаться А. П. Чехову только талантливым литератором и интересным собеседником, а не грязным, подлым, низким слугой царя, «с внутренней опустошенностью и враждебностью всему прогрессивному и передовому» (1; 75).

В отличие от Ю. В. Соболева, который приводит примеры того, как А. С. Суворин влиял на мировоззрение А. П. Чехова, В. В. Ермилов акцентирует внимание на спорах друзей, хотя «споры» – это, конечно, громко сказано, потому что всегда, когда их точки зрения не совпадали, «старая лиса» сглаживала углы, приводя даже принципиально разные позиции к общему знаменателю.

Что касается искренней веры А. П. Чехова в то, что Суворин-человек – это одно, а Суворин-редактор – это совсем другое, то это заблуждение вызывало у нас большие вопросы ещё в биографии Ю. В. Соболева. Неужели А. П. Чехов был настолько наивен, чтобы не понять того, что редактор и его газета – одно целое и А. С. Суворин просто не может не придерживаться тех взглядов, которые представляет «Новое время»?

У Ю. В. Соболева всё объясняется невероятным личным обаянием А. С. Суворина и чувством признательности, которое молодой писатель испытывал к опытному редактору, подавшему ему руку помощи в трудные времена. В. В. Ермилов же считает, что дело здесь не столько в личных качествах А. С. Суворина, сколько в аполитичности А. П. Чехова. Абсолютно не интересуясь тем, что происходит в стране с политической точки зрения, писатель как будто не волновался и из-за того, где именно он печатается, т.е. к какому лагерю принадлежит этот орган печати. Главное – что люди увидят его произведения, а у «Нового времени» читателей огромное количество.

Е. А. Вишленкова в работе «Рождение “подлеца”, или Стилистика биографического жанра в России» говорит о том, что в каждой советской биографии у главного героя должен был быть антагонист. Это мог быть

представитель власти, конкурент «на работе», соперник в любви, да кто угодно, только бы был. Нет «врага» – нет завершённости образа. Противник нужен для того, что читателю было проще понять личность героя биографии. Поэтому и требуется сравнение, «поединок», борьба противоположностей.

У А. П. Чехова не было явных врагов, например, царя. Но враг нужен. Так появляется название главы биографии В. В. Ермилова «ласковый враг». Оппозиция «враг-герой» типична для отечественной художественной литературы.

«Герой обладает всеми положительными качествами и, в конце концов, побеждает или гордо гибнет. Враг, сильный и торжествующий вначале сюжета, вынужден затаиться и держать “нож за пазухой”, а в конце повествования терпит поражение. В противостоянии герой обнаруживает благородство, враг демонстрирует низость своей натуры»¹⁰⁶. По такому сюжету, с небольшими поправками, развиваются отношения А. С. Суворина с А. П. Чеховым. Старый хитрый редактор всё время опутывал неопытного писателя своими речами, но в конечном счёте у него ничего не вышло и он терпит поражение после дела Дрейфуса. А. П. Чехов выходит из этого столкновения с гордо поднятой головой.

По мнению В. В. Ермилова, А. П. Чехову была просто необходима «общая идея», он находился в мучительном поиске, «ему надо было знать, что делать» (1; 205). Именно поэтому он поехал на Сахалин. Биограф возмущается трактовкой мотивов, которые его коллеги дают поездке А. П. Чехова. Здесь очевиден намёк на Ю. В. Соболева, который объяснил решение писателя поехать на Сахалин исключительно желанием избавиться от скуки и получить новые впечатления. В. В. Ермилов закономерно вопрошает: «...почему же для ярких двух-трёх дней надо было ехать на Сахалин, а не, скажем, в Ниццу?» (1; 206) Биографы видят причину, побудившую писателя ехать на Сахалин, в «обывательской скуке». «Но мы хорошо знаем, – пишет В. В. Ермилов, – что означала на чеховском языке

---

¹⁰⁶ Вишленкова Е. А. Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России // История черз личность: Историческая биография сегодня; под ред. Л. П. Репиной, 2-е изд. М., 2010. С. 522 – 542.

скука» (1; 207). «Мы знаем, что скучной историей он назвал тоску человека, не имеющего “общей идеи”» (1;208). Именно в поисках её он отправился на Сахалин.

Глава «Дальняя дорога» по большей части рассказывает о подготовке А. П. Чехова к поездке и возможных предпосылках. О самом путешествии и деятельности писателя на острове написано предельно мало. Почти всё можно выразить одним предложением: «Он вывез с Сахалина горечь на всю свою жизнь» (1; 209). И действительно, поездка не могла не произвести впечатление на А. П. Чехова. Как заметил В. В. Ермилов: «Ходят в нём какие-то широкие волны, что-то океански-огромное просится наружу» (1; 207).

В. В. Ермилов любит вступать в спор с биографами А. П. Чехова. Так, в главе «Больше так жить невозможно!», он пишет: «Во многих работах, посвящённых Чехову, повторяется одна и та же схема, содержание которой сводится к тому, что Чехов-де проделал идеологический путь от “Нового времени” и “Русских ведомостей”» (1; 208). «Биографы создают легенду о “нововременстве” Чехова, которое он, дескать, постепенно “преодолеет”, после чего и стал вполне либеральным паинькой»(1; 209).

Конечно, В. В. Ермилов не может согласиться с этим. Он утверждает, что «так же как и сотрудничество Чехова в “Новом времени” отнюдь не означало его идейного “нововременства”, точно так же и его сотрудничество в либеральных изданиях отнюдь не означало, что Чехов был в своём творчестве представителем либерализма» (1; 211).

Как мы помним, Ю. В. Соболев также говорил о том, что нельзя упрощать путь А. П. Чехова до подобной схемы. Однако объяснения у двух биографов всё равно разные: Ю. В. Соболев прослеживал путь писателя аполитичного, идущего своим путем выстраивания морально-этических принципов, а В. В. Ермилов просто не мог допустить мысли о том, что А. П. Чехов разделял взгляды реакционеров или либералов, но при этом ни во что не ставил марксистов.

В. В. Ермилов в целом не согласен со всеми биографами в том, что они делают из А. П. Чехова «свободного художника», а значит, человека,

интересующего исключительно искусством, а не политикой и общественной жизнью. «...Антон Павлович никак не мог вкладывать тот смысл “свободы” от общественно-политических идеалов, который подсовывают ему его биографы. Чехов никак не мог считать свободным художника, “свободного” от мировоззрения! Такая “свобода” была, с точки зрения Антона Павловича, худшим видом рабства» (1; 210).

Далее автор даёт то определение свободного художника, которое «на самом деле» имел в виду А. П. Чехов: «Быть свободным художником означало для него свободу от поклонения устаревшим догмам, от консервативной мысли, от “футляра”, от страха перед жизнью, перед её правдой, какова бы она ни была, свободу от боязни нового, свободу от религии, от фетишей старого мира, от мещанства собственничества, пошлости, от власти прошлого» (1; 217).

Кроме того, утверждая, что «Чехов начинает подходить к идее не эволюционного, а решительного и коренного изменения всей действительности» (1; 219), он опять же не соглашается с точкой зрения Ю. В. Соболева, который говорил о А. П. Чехове и его приверженности к эволюционному подходу, но никак не к революционному.

В целом, В. В. Ермилов ясно даёт понять читателю, что он единственный понял А. П. Чехова, как он есть, что только он увидел настоящие причины всех его поступков, что ему одному удалось прочитать не только то, что написано в чеховских письмах и произведениях, но и то, что не написано, а было «подумано» А. П. Чеховым.

«Палата №6», с интерпретации В. В. Ермилова стала чуть ли не открытым призывом к революции, причём, призывая к перевороту, А. П. Чехов, сам об этом не догадывался. «Вся Россия увидела в рассказе символическое изображение тупой силы самодержавия в образе Никиты, увидела себя самое запертой в палате» (1; 245), – утверждает биограф, в то время как Ю. В. Соболев трактует это произведение исключительно как спор с толстовской позицией «непротивления» и окончательное освобождение писателя от этих идей. «Велико было общественное значение этого

произведения в деле психологической мобилизации сил протеста, ненависти против самодержавия. «Палата № 6» явилась одним из важнейших симптомов начинавшегося общественного подъема, одним из заметных обозначений исторического рубежа между восьмидесятыми и девяностыми годами, между эпохой упадка и эпохой подъема» (1; 246).

«Трагедия жизни А. П. Чехова» (ни много ни мало), по мнению В. В. Ермилова, заключалась в том, что «он так и не увидел до конца своих дней, не узнал тех людей, которые тогда, когда прогремела на всю страну «Палата № 6», уже готовились насилью противопоставить грозную силу. Эти новые люди читали историю доктора Рагина и Ивана Дмитрича Громова с гневной скорбью, с любовью и уважением к поэтическому гению, к непримиримой совести великого русского писателя. Чехов был одним из любимейших писателей Ленина» (1; 247).

Можно приводить ещё множество доказательств того, что В. В. Ермилов считал А. П. Чехова потенциальным революционером, волею судьбы не оказавшимся в нужном месте в нужное время и не общавшимся с нужными людьми. Так эта вынужденная аполитичность и закрепила за ним, и окреститься от неё он так до конца и не смог.

Как считает В. В. Ермилов, «картина русской жизни, нарисованная Чеховым, была неизбежно неполной» (1; 254) из-за того, что писатель не изображал современного рабочего, готового к революционной борьбе. И немного дальше, в этой же главе биограф пишет, что А. П. Чехов, как никто другой, «умел взглянуть на всю современную ему действительность глазами будущего» (1; 257). И таких противоречий можно найти немало. Примечательно то, что абсолютно неожиданно после этой последней мысли появляется другая – про В. В. Маяковского: «Так прямо смотреть в глаза будущему, видеть его пристальный взгляд на самом себе, слышать его дыхание рядом с собой умел лучший, талантливейший поэт советской эпохи – Владимир Маяковский» (1; 257).

Такие неуместные вставки про В. В. Маяковского, не относящиеся напрямую ни к жизни А. П. Чехова, ни к его творчеству, встречаются в

биографии не раз. Это становится особенно интересным, если учесть, что в своё время В. В. Ермилов занимался «травлей» поэта, за что даже попал в его предсмертную записку.

Но оставим политику, хотя это и практически невозможно сделать в данной биографии. Обратимся к тому, что называет личной жизнью писателя. И начнём с конца, а именно с брака А. П. Чехова. Обвиняя Ю. В. Соболева в недостаточном освещении любовного сюжета в биографии, мы возможно были слишком критичны. У В. В. Ермилова жене А. П. Чехова уделены три фразы, причём та, что про брак, может абсолютно затеряться среди всего остального. «Ирину играла О. Л. Книппер. Большая любовь входила в жизнь Антона Павловича в общей атмосфере красоты, волнующего ожидания праздника искусства» (1; 387). «Это была благоуханная и радостная весна и в жизни Чехова. К нему, больному, тоскующему на “Чёртовом острове”, приехал театр, так высоко поднявший и “Чайку” и “Дядю Ваню”, театр, полный молодых сил, веры в будущее! Этой весной Антон Павлович связал свою жизнь с О. Л. Книппер» (1; 389).

Про Лику Мизинову написано гораздо больше. Скорее всего, исключительно потому, что её история послужила основой сюжета пьесы «Чайка». Здесь В. В. Ермилов с непривычной благожелательностью ссылается на Ю. В. Соболева, пользуясь его рассказом о любовных приключениях Мизиновой. Слова А. П. Чехова, обращённые к Лике: «Очевидно, я здоровье прозевал так же, как Вас», – В. В. Ермилов объясняет следующим образом. «Не случайно, должно быть, он поставил в связь мысль об утерянном здоровье с мыслью об утерянной возможности любви. По-видимому, была у него не вполне осознаваемая, но постоянная боязнь, что личное – большая любовь, тревожное сознание роковой болезни – ворвется в его труд, помешает мыслям о главном. А ведь главное еще не найдено».

Даже говоря о болезни А. П. Чехова, биограф говорит о ней в том ключе, что она не дала писателю достаточно времени, чтобы у него смогла сформироваться политическая позиция. «Весь последний период его жизни – все восемь лет – окрашены трагическим противоречием между душевным и

физическим самочувствием Антона Павловича: чем больше сказывался подъем в его идейном, общественном, политическом самосознании, в его чувстве жизни, в его творчестве, тем быстрее шёл роковой ход его болезни».

Однако в целом, если исключить подобные высказывания, и В. В. Ермилов, и Ю. В. Соболев оба приходят к одному выводу о болезни писателя – он упорно не хотел замечать её, хотя, конечно, не мог не догадываться, как это опасно.

Теперь обратимся к первым главам биографии, рассказывающим о детстве и юности А. П. Чехова. Историю семьи В. В. Ермилов начинает рассказывать с истории деда, Егора Михайловича, «крестьянина Воронежской губернии, крепостного помещика Черткова». «Егор Михайлович обладал упорством, организаторскими и административными способностями, ясным умом. При всем том он отличался необузданной резкостью, властным, деспотическим нравом, часто впадал в припадки нерассуждающего гнева». В биографии Ю. В. Соболева про деда сказано только самое основное – то, что он смог выкупить всю семью.

В. В. Ермилову было важно показать наследственность. У всех трёх поколений «мы встречаемся с чертами самовластия», необузданности, жестокого навязывания своей воли» (в третьем поколении имеется в виду Александр Павлович). «И, вместе с тем, всем трём поколениям присуща была и отмеченная черта фантазёрства, связанная с художественной жилкой». В. В. Ермилов приводит цитаты из писем Егора Михайловича сыну, Павлу Егоровичу, доказывающие, что у деда была заметная любовь к слову.

Павел Егорович был очень одарённый, и его душа художника помешала ему стать успешным в торговле. Он сам научился играть на скрипке, хорошо рисовал – писал иконы! А. П. Чехов позже признавался, что таланты у него и братьев от отца, душа – от матери.

В рассказе «Печенег» характер героини, по мнению автора, списан с мамы писателя – нежной, любящей, робкой, боящейся мужа женщины.

Уже будучи взрослым, А. П. Чехов не мог избавиться от воспоминаний о порке – типичном средстве воспитания в мещанском доме. Показателен

случай, как, познакомившись с одним гимназистом, юный Чехов в первую очередь спросил у него, часто ли его секут. «Унизительные телесные наказания, тяжелый трудовой режим, постоянное недосыпание – таковы черты детства Чехова, столь не похожего на благословенное детство» «писателей, вышедших из дворянско-помещичьей среды».

«И, конечно, было бы неправильно рисовать жизнь семьи Павла Егоровича только тёмными красками», – пишет В. В. Ермилов. Очень похожую фразу читаем и у Ю. В. Соболева: «Не следует, однако, рисовать детство Чехова сплошь чёрной краской». Как будто оба биографа боятся создать чудовищное впечатление от этого периода жизни писателя и поэтому тщательно выискивают положительные моменты в нём.

В. В. Ермилов отмечает, что отец желал всего самого лучшего детям, очень хотел дать им достойное образование. Но его методы привели к тому, что только Антон и приучился к постоянному, каждодневному труду, у старших же братьев такой подход вызвал на всю жизнь отторжение от работы. Биограф также пишет, что у А. П. Чехова несмотря ни на что, всегда было уважительное и любовное отношение к отцу.

«Первый известный нам напечатанный рассказ» А. П. Чехова, «Письмо донского помещика», – это пародия на стиль речи деда и дяди, Митрофана Егоровича. Неприязнь мещанства ярко проступает уже в этом произведении.

Образу дяди в этой биографии уделено больше внимания, чем в работе Ю. В. Соболева. Александр писал про него, что он и добр, и чистосердечен, и мудр. И, кроме того, многое сделал на религиозном поприще. Ему бы развернуться – он же «общественник», как и брат, Павел Егорович! Но чего-то ему не доставало, по мнению племянника, быть может, достаточного образования, поэтому он так тянулся к просвещённым людям.

В этой биографии по понятным причинам мы не найдём описания всех тех церковных обрядов, которые должны были соблюдать члены семьи. Сказано только, что хор, в котором пели дети, был церковным. Самое же важное для В. В. Ермилова – это то, что «на всю жизнь братья Чеховы возненавидели религиозное воспитание, с его ханжеством, лицемерием,

рабским духом. Антон Павлович говорил, что всякое религиозное воспитание напоминает ему ширмочку: снаружи видны умильно улыбающиеся личики, а за ширмочкой мучают и истязают».

Биограф упускает целый год учёбы Антона и его брата Николая в греческой школе, сказав только про гимназию, которая была, как тюрьма, «настоящая фабрика рабов». «Забить учеников до состояния постоянного трепета, угодливости, уничтожить в них сознание собственного достоинства, подготовить из них нужные правительству кадры рабов и надсмотрщиков над рабами – такова была цель». Не удивительно, что братьям всю жизнь снились кошмары про школу.

Однако В. В. Ермилов приходит к более чем оптимистическому выводу: чем больше гнёта, насилия, грубости было вокруг, «тем сосредоточеннее, сознательнее, упорнее становился юноша Чехов в отстаивании своего человеческого достоинства».

В главе «Предчувствия таланта» биограф рассказывает о гимназическом увлечении А. П. Чехова – театре. В Таганрогском театре он видел «Гамлета», «Хижину дяди Тома», пьесы А. Н. Островского. У Ю. В. Соболева представлен более обширный список, в котором присутствуют как «полезные» пьесы, так и «бесполезные», развлекательные, их ведь тоже видел юный Чехов.

Он и сам любил разыгрывать комические сценки, что, по воспоминаниям свидетелей, у него отлично получалось. Известно, что с братьями они ставили «Ревизора». Юмор – светлый, радостный, добрый – был средством братьев против мрачной действительности. Дурачась и веселясь, они «никогда не скучали друг с другом». Биограф пишет, что «дружба между братьями была крепкой и глубокой».

Тем труднее было А. П. Чехову осознавать, что Александр и Николай, переехав в Москву, постепенно опускались. Свобода вскружила им голову, и оба брата пошли по кривой дорожке, постепенно опускаясь морально и физически. А ведь Александр мог бы стать хорошим писателем! И у Николая был ярко выраженный талант художника. Павел Егорович уже не питал

никакой надежды на сыновей. Евгения Яковлевна же верила в Антона, чувствовала – он приедет в Москву, и всё наладится.

Так и случилось. После нескольких лет одиночества в Таганроге, «переломных», как их назвал В. В. Ермилов, когда «приходилось смотреть прямо в лицо грубой, неприкрытой нищете», А. П. Чехов переехал в Москву к своей семье. Глава, посвящённая первым годам после переезда, выглядит настоящим дифирамбом. Как только он приехал, дела семьи пошли в гору, Он и нахлебников привёз, и стипендию себе выбегал, и в юмористические журналы стал писать – зарабатывать на жизнь. Кроме того, А. П. Чехов сразу негласно стал главой семьи, всех вокруг стал перевоспитывать, даже отца! Мещанство вытравливал, как мог. И характер свой совершенствовал: был не вспыльчивый, а мягкий, деликатный, даже робкий. Это всё работа над своим крутым нравом, поскольку нельзя же давать волю эмоциям.

Здесь В. В. Ермилов приводит слова И. Потапенко о том, что у А. П. Чехова была «симметричная душа»: в ней есть и недостатки, и достоинства, так что «ни ангелом, ни праведником» его нельзя назвать. В нём «наряду с великодушием и скромностью жили и гордость и тщеславие, рядом с справедливостью – пристрастие. Но он умел, как истинный мудрец, управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств».

«Постоянная борьба с тяжёлым наследством рабства, мещанства, строжайшая критика самого себя, непрерывный, трудный путь от победы к победе в этой борьбе - вот что помогало Чехову добиться того, что его личность и его творчество становились все более полным, радостным, вызывающим гордость потомков воплощением лучших черт русского национального характера». Эта мысль впервые звучит именно здесь, относительно данного этапа жизни писателя. Затем она повторится ещё не раз, другими или этими же словами, в разном или опять же точно таком порядке.

Самое начало жизни в Москве, несмотря на все успехи, не было простым для А. П. Чехова. Однако его спасало, как ни удивительно об этом

читать, «пушкинское светлое счастье». По словам В. В. Ермилова, юноша любил выпить и поухаживать за девушками, погулять; «он воспринимал жизнь широко, со всей свежестью молодости». «Кажется, ни к кому из писателей не относятся в такой полной мере слова “создан для счастья”, как к молодому Пушкину, молодому Чехову».

«Чехов начинает свой писательский путь в эпоху, небывало тяжёлую для печати». Биограф рассказывает о времени жёсткой цензуры, о Победоносцеве, о реакционерах, уделяя этому целую главу, чего не делает, например, Ю. В. Соболев.

Как бы плохи и низкопробны ни были юмористические журнальчики того времени, они стали «почвой для гения», – пишет В. В. Ермилов. А «гений» уже в ту пору писал просто великолепно. Используя всем известные, вроде бы даже пошлые темы, он всегда «волшебным, поэтически преображённым» представлял картины действительности, каждым своим творением он показывал “чудо преображения жанра”.

Про Н. А. Лейкина, под чьим крылом долгое время находился А. П. Чехов, В. В. Ермилов и Ю. В. Соболев высказываются примерно одинаково. «Оборотистый, прижимистый купец», он крепко ухватился за начинающего талантливый и трудолюбивый писателя. Н. А. Лейкин и сам, как пишет В. В. Ермилов, «был одарённым юмористом, его рассказы, с самым делом были смешны, и если нельзя применить к ним высокое слово “мастерство”, то, во всяком случае, они отличались подлинным профессиональным умением».

«Лейкин хотел задержать рост Чехова, стиснуть молодого сотрудника в рамках “осколочных” традиций. Он все надеялся на то, что Антоша Чехонте, - как надеялась утка в сказке о гадком утенке, – “со временем выровняется и станет поменьше”. Он был далек от мысли, что рядом с ним творится чудо рождения и созревания великого художника».

Н. А. Лейкин загонял А. П. Чехова в рамки, за которые тот не имел права выходить. Писатель часто жаловался, что ему приходится выбрасывать из

рассказа самое главное из-за требований объёма и цензуры. Кроме того, список тем, на которые можно было писать, был весьма ограничен.

В. В. Ермилов утверждает, что А. П. Чехову удалось изменить жанр рассказа-миниатюры, он показал, что он может рассказывать не только о пьяницах. «Так проступает новатор. Он не тоскует о невозможном, а берёт то, что предлагает ему жизнь, но переделывает, перемалывает, заново формирует весь материал». Благодаря ему «крошечный рассказик поднялся до высоты эпического повествования. Чехов стал творцом нового вида литературы – маленького рассказа, вбирающего в себя повесть и роман». Жёсткие требования редактора он научился использовать во благо. «Чехов добивался небывалой в литературе емкости, вместительности формы».

«Уже в молодые годы он становился воплощением непобедимой моральной силы русского народа и его литературы, которая даже в самое мрачное время продолжала борьбу за правду и свободу, против всех сил лжи, мракобесия, угнетения». Во времена «лейковщины» А. П. Чехов создал свои лучшие рассказы, настоящие «шедевры чеховской сатиры»! «Ранняя художественная зрелость может сравниться лишь с ранней художественностью зрелостью Пушкина, Лермонтова».

Здесь вспоминаются слова Ю. В. Соболева о том, что многие рассказы и миниатюры А. П. Чехова того времени были откровенно плохи, он часто несмешно шутил или даже писал совсем по-мещански. В. В. Ермилов же ни слова не говорит о промахах, исключительно восхваляя начинающего писателя. Да, и Ю. В. Соболев не отрицает того, что в эти годы были созданы многие лучшие рассказы писателя. Однако он и не закрывает глаза на очевидные недостатки.

В. В. Ермилов пишет, что А. П. Чехов не причислял себя к типичным газетным юмористам, однако «если бы кто-нибудь сказал ему, что он уже стал создателем классических произведений, то он рассмеялся бы своим весёлым, искренним смехом». Здесь явно не хватает очередного упоминания пушкинской веселости.

Вообще, как писал В. А. Кошелев, особенностью любой биографии является то, что биограф почти всегда знает будущее своего героя. Сам герой, конечно, своё будущее не знал, он просто жил. Биограф же слишком осведомлён и это «ему мешает». «Он не только композиционно “выстраивает” “домик” своей биографии, исходя из этого знания будущего», но наделяет последние годы/месяцы жизни писателя особым, «завещательным» смыслом.

Знание будущего А. П. Чехова позволяет Ю. В. Соболеву разделить его жизнь на этапы: детство в Таганроге, начало жизни в Москве в 80-е годы, годы перелома, зрелости и предсмертный период, логично завершающий жизнь писателя.

В. В. Ермилов не выделяет конкретные периоды жизни, зато всегда оценивает произведения писателя с той точки зрения, что их написал гений, хотя в то время, например, писателя оценивали только как «подающего надежды». Примечательно такое высказывание В. В. Ермилова: «Мы не должны забывать, что к этому времени он уже был автором бессмертных, классических произведений», – пишет В. В. Ермилов о том периоде творчества А. П. Чехова, когда никто ещё не относился к молодому дарованию всерьёз. Именно благодаря знанию будущего биограф осмеливается утверждать, что «грубое непонимание значения нового богатыря русской литературы продолжалось в течение всей жизни» А. П. Чехова.

И. Я. Лосиевский назвал биографию В. В. Ермилова первой научно-художественной биографией А. П. Чехова. Кроме того, она является и самой идеологизированной, поэтому «её концептуальность обусловлена не только творческой позицией автора». Действительно, концепция автора здесь очевидна, но она не является личной разработкой биографа, а лишь выполняется на заказ партии. «Правдоподобное биографическое изображение было принципиально невозможно, так как и речи не могло быть о соизбранности автора, – пишет И. Я. Лосиевский. – По меткому и смелому

(не по времени) замечанию А. Гладкова (1968 года!), Чехов и Ермилов – антиподы, здесь не могло быть “глубины и интимного понимания”».

«Личная противоположность» героя и биографа, по мнению И. Я. Лосиевского, черевата «искажением исторической правды». Биограф сознательно ставит прототипа в неудобное положение – он не может ни ответить на обвинения, ни исправить ошибки, если они есть.

По мнению И. Я. Лосиевского, как мы уже сказали, работа В. В. Ермилова является первой научно-художественной концептуальной биографией. Как же тогда можно определить биографию Ю. В. Соболева, согласно типологии учёного? На наш взгляд, его биография является научной концептуально-фактографической. Биограф придаёт большое значение документам, цитирует их в больших количествах, но при этом объединяет все факты жизни писателя определённой идеей. В биографии В. В. Ермилова реже приводятся отрывки из писем и других документов, больше фактов изложено самим автором, в пересказе.

2.4 А. П. Кузичева. «Чехов. Жизнь “отдельного человека”»

К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова, в 2010 году в ЖЗЛ вышла седьмая за всю историю серии биография писателя. Автором её стала известный чеховед А. П. Кузичева. Книга названа в аннотации «капитальным исследованием», самой полной биографией писателя на сегодня.

Даже на первый взгляд понятно, что автором проделана колоссальная работа: в первом издании книги 880 страниц (с иллюстрациями). Биография разделена на три части, а выделены они по географическому принципу, т.е. по местам, где жил писатель: «Таганрог – Москва», «Мелихово» и «Ялта». В каждой части 12 или 14 глав.

По классификации И. Я. Лосиевского, работа А. П. Кузичевой является научной концептуально-фактографической биографией. Несмотря на огромное количество приводимых документов, биография не выглядит сухим

набором фактов и свидетельств, поскольку сквозь них проступает личность автора.

Рассказ о детстве А. П. Чехова биограф «поручает» людям, окружавшим его в те годы, то есть родственникам. Пользуясь воспоминаниями братьев и сестры, А. П. Кузичева воспроизвела все «версии» семейного уклада Чеховых в Таганроге. «Старший, Александр, нарисовал прошлое родной семьи подчёркнуто резко» (2; 6), «младший брат, Михаил, написал картину минувшего другими красками, в иной манере, нарочито мягко» (2; 7).

Сам Антон Павлович очень мало высказывался об этом периоде своей жизни, лишь изредка делился со старшим братом: «детство отравлено у нас ужасами...» (2; 8), «детство было страданием» (2; 9). Вспоминал, что «секли из-за религии» (2; 9), что чувствовал себя «маленьким каторжником» (2; 17), когда пел в церковном хоре.

Отец был очень строг с домочадцами, особенно в отношении религии. А. П. Кузичева делает вывод, что соблюдение обрядов и следование правилам было для него важнейшей составляющей религии. Биограф пишет, что глава семьи был «религиозным человеком, но вряд ли глубоко верующим» (2; 20). А его жестокость она оправдывала тем, что Павел Егорович совершенно искренне считал, что делает для детей всё как лучше.

Кроме того, рьяными защитниками отца в воспоминаниях выступают Михаил и Мария. Александра же и Антона жутко раздражало его чиновничество, вечное желание быть награждённым хоть за что-нибудь. «Среднего калибра, слабого полёта» человек – так однажды высказался о Павле Егоровиче А. П. Чехов (2; 13).

Мать всегда отличалась сдержанностью и скрытностью. Дети не получали от неё ласки, но она часто пыталась заступиться за них перед мужем. «Разумная, незлобивая, добросердечная» – такой она осталась в памяти детей (2; 27). Не слишком образованная сама, Евгения Яковлевна всегда настаивала на том, чтобы дать детям хорошее образование. Интересно, что это желание и Ю. В. Соболев, и В. В. Ермилов приписывали отцу.

«Далекие отцу, пятеро сыновей не стали близкими и матери», – пишет А. П. Кузичева (2; 20). Более того, и между самими братьями не было дружбы и даже приятельских отношений. Сплочённости и нежных родственных чувств, как в иных семьях, не наблюдалось. Ни у кого в воспоминаниях даже ни разу не упомянуто ни про один совместно проведённый праздник.

Зато биограф приводит интереснейшие воспоминания братьев – абсолютно разные – об одном и том же событии, первой поездке детей к деду Егору Михайловичу в гости. Александр писал, что ему ничего не понравилось в этих каникулах, потому что в ту пору он был заносчивым пятиклассником. С той поездки ему навсегда запомнились рассказы бабушки о жестокости деда по отношению к своему сыну, их отцу. Чехов вспоминал исключительно степь, которую полюбил с тех пор всей душой. Михаил не написал ни про степь, ни про бабушку с дедом, а только про баловство братьев с цилиндром.

Про жизнь семьи, деятельность Павла Егоровича в лавке сохранилось мало свидетельств, поэтому биографу приходится делать выводы из немногих известных фактов. Чеховы брали жильцов – это говорит об их не очень хорошем финансовом положении. Кроме того, только старший сын учился в гимназии, Николая и Антона отдали в греческую приходскую школу. Почему? А. П. Кузичева считает, что из-за недостатка денег, а не потому, что знакомые греки «разрекламировали» Павлу Егоровичу школу, как считал Ю. В. Соболев.

Гимназия, в которую всё-таки потом отдали братьев, снилась А. П. Чехову в ночных кошмарах. В письме А. С. Суворину он однажды рассказал про свой самый страшный повторяющийся сон. В нём проявляются те чувства, которые не покидали писателя в детстве – ««покинутость, преодоление тяжёлых минут, бесприютность» (2; 10). По мнению биографа, сон намного лучше характеризует этот период, чем «скудные рассказы людей, окружавших Чехова в детские и отроческие годы. В них всё бегло, неточно, противоречиво, порой малодостоверно» (2; 10).

Это один из первых случаев в книге, когда биограф открыто высказала своё мнение. Сон – это таинственная, порой непостижимая работа подсознания, соединение мыслей, чувств, воспоминаний и предчувствий в единую сложную картину. А. П. Кузичева на протяжении всей биографии будет стараться проникнуть в подсознание А. П. Чехова, в его душу, в его мысли, она станет исследователем его внутреннего мира.

В начале книги А. П. Кузичева не раз говорит о том, что биограф часто находится в тяжелом положении – документов не достаточно, а тем, которые есть, не всегда можно доверять. Так, Михаил в воспоминаниях написал, что в детстве никогда не видел Антона, занимающегося физической работой, как других братьев. Однако он был несомненно самым талантливым и всегда полным выдумок. А. П. Кузичева сомневается в правдивости воспоминаний. Может быть, считает она, здесь проступает «потаённое отношение к брату» (2; 32)? Биограф отмечает, что в мемуарах обычно сложно скрыть «подлинное отношение» к кому-либо, это неплохой способ «подчеркнуть свою неприязнь, сводя давние счёты или теша своё злосердечие». Не обвиняет ли А. П. Кузичева Михаила в недобром отношении к Антону? Она бросилась на защиту А. П. Чехова, хотя и защищать не от чего, Михаил ничего обидного не сказал, ни в чем не обвинил.

Собирая образы окружающих писателя людей из известных исследователю фактов их жизни, писем, воспоминаний, биограф всегда должен стремиться к объективности. Но то ли в силу вечной проблемы биографов – недостатка документов, то ли опять же из-за той самой личной неприязни или, наоборот, приязни, не все герои выглядят правдоподобно. Почему? Потому что они больше походят на персонажей произведений эпохи классицизма: у них есть всего одна яркая черта характера – положительная или отрицательная, – которая и создаёт весь образ. В реальной жизни так не бывает. Как известно, каждый человек сочетает в себе разные черты – хорошие и мало приятные, врождённые и приобретённые.

Одно дело, когда В. П. Буренин – вечный неприятель А. П. Чехова и не его одного – представлен исключительно мерзким человеком. Нам,

собственно, без разницы, был он заботливым сыном или талантливым садоводом, потому что в данной ситуации, в отношениях с А. П. Чеховым нам важна та деятельность, которой он занимался в «Новом времени». Другое дело обстоит с членами семьи А. П. Чехова. Очень неприятным человеком выставлен брат Михаил, «сладкий Миша», как его называли родители. Главной чертой его характера названа самовлюбленность, которая подчёркивается биографом при каждом удобном случае. Упомянув любовь Михаила к ручному труду – у него были золотые руки, – биограф очевидно желает сохранить хотя бы видимость объективности, хотя ей это не удаётся, потому что, конечно, мастеровитость и неумеренное самолюбие не могут уравновесить друг друга.

Нелюбовь автора к Михаилу становится особенно очевидной, если сравнить его образ с образами других детей Чеховых. Александр – несмотря на то, что был запойным пьяницей и деспотичным мужем, – обладал хорошим чувством юмора и несомненным писательским талантом, который, к сожалению, не развил. Николай тоже вызывает сочувствие, потому что, обладая доброй душой, он растерял свой дар художника из-за легкомысленности и необязательности. Иван проявил себя как великолепный педагог, хотя и он был не без греха – слишком замкнут и горд настолько, что никогда ни у кого не просил денег, хотя его семейство всегда жило бедно. Может, биографу не нравилось то, что у Михаила не было никакого таланта? Но и его сестра Мария, также не отличалась ничем выдающимся. Она была хозяйственна, аккуратна, но при этом брат Антон замечал её амбициозность и некоторое желание казаться больше и значительнее, чем есть на самом деле, над чем нередко незлобиво подшучивал. Точно так же он видел особенности Михаила и посмеивался над ними. Никакой злобы на брата у А. П. Чехова не было, он просто знал его недостатки и смирялся с ними, не осуждая.

В отличие от Ю. В. Соболева и В. В. Ермилова, которые боялись окрасить детство писателя исключительно тёмными тонами, А. П. Кузичева этого сделать не побоялась. Нестабильное финансовое положение семьи, жестокий нрав отца, лавка и занятия ремёслами, гимназия-тюрьма,

бесконечные церковные обряды, спевки в ненавистном хоре, порки и, пожалуй, главное – никакого душевного тепла – всё это составляло несчастливый мир маленького Антона.

Мрачное детство А. П. Чехова сменилось на ничуть не более радостный период. Учась в старших классах гимназии, Антон остался в Таганроге один, потому что вся семья сбежала от долгов в Москву. Оттуда мать посылала всё новые и новые письма с одной и той же просьбой: денег, денег, денег. Антону приходилось продавать старую утварь и отправлять эти копейки семье, кроме того, он вёл уроки и заканчивал школу. В. В. Ермилов пишет, что А. П. Чехов в то время чуть ли не наслаждался свободой и радовался жизни. Сложно представить, что так оно и было, если прочитать хотя бы одно письмо из многочисленных писем Евгении Яковлевны, которые показывает биограф. Откровенная нищета, описываемая в посланиях, производит тягостное впечатление. Чувство ответственности за всю семью, неожиданно свалившееся на плечи подростка, одиночество, вечная нужда – всё это было жизнью А. П. Чехова в его последние годы в Таганроге.

По приезду в Москву всё было не так гладко, как может показаться по биографии В. В. Ермилова. Учась на сложнейшем факультете, подрабатывая репетиторством и сотрудничая с юмористическими журналами А. П. Чехов, кажется, единственный что-то делал, чтобы улучшить положение семьи. Отец наконец получил «место счетовода у купца Гаврилова», однако «расходовал на чад и домочадцев не более 30 рублей в месяц». Александр и Николай отделились от родителей и жили в собственное удовольствие, никак не помогали деньгами и сами залезали в долги. А надо было «платить за квартиру и оплачивать учёбу младших» (2; 44). «Первые московские годы – это ноша, которую трудно даже представить, а тем более вынести». Всё это постепенно стало сказываться на здоровье.

Н. А. Лейкин, редактор-издатель журнала «Осколки» откровенно наживался на А. П. Чехове. Он видел талант начинающего писателя, поэтому старался удерживать его при себе, ревностно относился к тому, что тот будет печататься где-то ещё. Для этого он придумал «ловкий ход» – предложил А.

П. Чехову писать фельетоны под общим названием «Осколки московской жизни» (2; 56). Согласно редакторскому плану, «бичующие» и «вышучивающие» фельетоны «могли рассорить автора с московскими журналистами», что бы навсегда привязало А. П. Чехова к журналу (2; 56).

Н. А. Лейкин «был хитер, но не очень умён». (22; 73). Иногда он «бестактно и прямолинейно обозначал свою роль благодетеля», что позволяло ему нагружать А. П. Чехова новой и новой срочной работой. Одной из причин ухода А. П. Чехова из «Осколков» стало требование редактора писать «Филологические заметки» – «юмористические объяснения названий месяцев» (2; 72). И это помимо «писания фельетонов и юморесок, сочинения подписей, давно обрыдших Чехову» (2;72). Ушёл он «не сразу, не резко, но тем не менее...» (2; 73).

Вообще, А. П. Чехов ни с кем никогда резко не обрывал отношений, это было не в его характере. Из биографий Ю. В. Соболева и В.В. Ермилова можно сделать вывод, что после ухода из «Осколков» А. П. Чехов перестал общаться с Н. А. Лейкиным, после дела Дрейфуса резко порвал с А. С. Сувориным. Благодаря тому, что А. П. Кузичева часто предоставляет А. П. Чехову и окружавшим его людям говорить в биографии самим – через письма и воспоминания, – у читателя появляется возможность наблюдать А. П. Чехова практически день за днём. Так мы узнаём, что уже в последние годы жизни А.П. Чехова к нему в гости, в Ялту приезжал Н. А. Лейкин. Всю жизнь они не теряли друг друга из виду и переписывались.

Биограф отмечает, что действительно в течение жизни с некоторыми людьми у А. П. Чехова ослабевала связь – дружеская, приятельская, романтическая. Но разве это не естественно? Разве так происходит не у всех? Какие-то отношения только крепнут с годами, какие-то естественным образом заканчиваются. Так, поклонники А. П. Чехова, а затем и его товарищи – А. С. Лазарев и Н. М. Ежов – поначалу прислушивались к более успешному собрату по перу, учились у него, но затем их пути разошлись «на литературном и житейском пути», безболезненно для всех участников (2; 248)

Отношения с Д. В. Григоровичем в биографиях Ю. В. Соболева и В. В. Ермилова начинаются и заканчиваются тем случаем, когда старый классик написал восхищённое и подбадривающее письмо начинающему автору. Оно пришлось очень кстати, потому что как раз в это время А. П. Чехов находился в сомнениях по поводу своего таланта. У А. П. Кузичевой мы можем наблюдать развитие отношений писателей, кульминацию и развязку. Был между ними довольно странный эпизод, когда А. П. Чехов обещал приехать в Европу, но так и не сделал этого, а Д. М. Григорович каждый день ездил на вокзал Вены, чтобы встретить его. Старик обиделся. В этом ли причина того, что про новую пьесу «Леший» он стал распускать слухи, что якобы она написана о супругах Сувориных? Как бы то ни было, между Д. М. Григоровичем и А. П. Чеховым «началось медленное отчуждение, расхождение» (2; 229).

Романтическое увлечение Ликой Мизиновой тоже не прошло проверку временем. В биографии подробнейшим образом представлено развитие и угасание отношений А. П. Чехова и Л. С. Мизиновой. Опираясь на дневник С. М. Иогансон, двоюродной бабушки, воспитавшей девушку, А. П. Кузичева подробно рассказала о Лике – о её воспитании, склонностях, характере. А. П. Чехов определённо был увлечён красавицей, она же, как считает биограф, любила своё чувство, а не самого А. П. Чехова. Приводя многочисленные письма, биограф комментирует их с некоторым невольно пробивающимся пренебрежением. Взбалмошный нрав, отсутствие определённой цели в жизни – она ничего из себя не представляла, помимо того что была невероятно красива, хотя даже этого не понимала. По мнению биографа, любой ответ на письмо А. П. Чехова лишь доказывал, что она была недостойна его. Она порой была резка и груба с А. П. Чеховым, чересчур эмоциональна, а он был деликатен, выдержан и снисходителен. Их отношения переписка и редкие встречи прекратились окончательно уже после её романа с И. Н. Потапенко и возвращения в Россию.

Как мы уже сказали, А. П. Чехов никогда не прекращал отношения с человеком искусственно, по какой-либо конкретной причине. Исключение

составляет Н. Е. Эфрос, поместивший краткий пересказ только что написанной А. П. Чеховым пьесы «Вишнёвый сад» в «Новостях дня». «Пересказ нелепый и ненужный», комментарии и того хуже (2; 704). А. П. Чехов писал О. Л. Книппер: «У меня такое чувство, будто я растил маленькую дочь, а Эфрос взял и растлил её». Писатель просил В. И. Немировича передать Н. Е. Эфросу, что он «прекращает с ним знакомство».

Лакуны в истории неизбежны. Биограф однако не должен поддаваться искушению заполнять их самостоятельно, по своему желанию. Часто мы видим поступок, но не знаем и уже никогда, скорее всего, не сможем узнать его мотивы. А. П. Кузичева нашла способ указать все возможные гипотезы, при этом не делая приоритетной ни одну из них – она задаёт риторические вопросы. Например, по поводу особенного интереса общественности к личности А. П. Чехова во время его первой поездки в Петербург, биограф пишет: «Не преувеличивал ли Чехов и свои волнения, и свою возникшую популярность? Что-то другое угадывалось за его беспокойством – может быть, уязвлённое самолюбие?» (2; 86) Или про внезапное желание А. П. Чехова ехать в Европу: «Может быть, он думал о Лике, зазывавшей его в Швейцарию?». Ответа нет, а гипотеза заявлена, но при этом так и осталась только мыслью.

Но иногда всё же биограф не справляется с собой и тогда легко превращает гипотезу в факт. Например, об отношениях между В. П. Бурениным и А. С. Сувориным А. П. Кузичева пишет так: «Говорили, что сам Суворин боялся Буренина, зависел от него и не гнал из газеты по бесхарактерности и трусости. Может быть, цинизм и беспощадность «шута» влекли хозяина, тешили нечто темное в его душе» (2; 90). Так автор даёт понять, что для неё вопрос сотрудничества этих людей очевиден – они оба созданы из одного теста.

В биографиях Ю. В. Соболева и В. В. Ермилова отношения А. П. Чехова с А. С. Сувориным представлены примерно так: коварный змей-искуситель околдовал наивного юношу до такой степени, что тот даже стал печататься в

мерзком «Новом времени». Однако постепенно А. П. Чехов прозревал и стряхивал с себя путы старого хитреца. Несмотря ни на что, ему удалось стать свободным и независимым и разорвать все связи с врагом, скрывавшимся под личиной друга.

В биографии А. П. Кузичевой ничего подобного нет. Отношения старого журналиста и молодого писателя основывались на обоюдном искреннем интересе друг к другу. А. С. Суворин действительно очень привлекал А. П. Чехова как человек, как умный собеседник. Не с многими людьми в жизни ему было настолько интересно, как с А. С. Сувориным. Редактор же признавался, что с А. П. Чеховым он молодеет, что у этого юноши свой, абсолютно уникальный взгляд на вещи. Не один раз они вместе путешествовали по Европе. Редактор ввёл писателя в свою семью, он бы даже очень хотел видеть его её полноправным членом – это было не невозможно, ведь А. П. Чехов мог жениться на его дочери.

А. С. Суворин раскрывается читателю с разных сторон. Мы узнаём о трагедии его личной жизни: самоубийство сына, смерть дочери, гибель первой жены, да ещё какая гибель – «её смертельно ранил любовник, следующим выстрелом покончивший с собой» (2; 104). Мы также читаем дневник старика, который показывает нам, насколько непросто был этот человек.

А. П. Чехов далеко не сразу после ухода от Н. А. Лейкина стал публиковаться в «Новом времени». Его смущало даже не то, какого направления была эта газета, а то, что в ней работал В. П. Буренин, чьи фельетоны всегда были полны грязи, желчи, клеветы. «В его статьях и пародиях угадывали мстительное чувство неудачника, посредственного литератора, утверждавшегося злобной насмешкой и над талантом, и над посредственностью» (2; 90) Очень не хотелось А. П. Чехову печататься с ним на одних страницах. А. С. Суворин знал, как привлечь молодого литератора к себе – он предложил издать его сборник рассказов, который выйдет под знаком «Нового времени». От такого предложения было невозможно отказаться. Кроме того, с 1886 года в «Новом времени» стал работать

Александр. А. П. Чехов понимал, что попадал в большую зависимость от А. С. Суворина, но при этом, вероятно, осознавал, на что идёт.

Между этими двумя людьми «завязывался сложный узел отношений: литературных, деловых, личных». Исходя из этого, непонятно, как их следует называть. Друзьями? Приятелями? Хорошими знакомыми? Коллегами? Биограф утверждает, что общались они на равных – «не “отец” и “сын”, не “учитель” и “ученик”, не “мэтр” и “начинающий”» (2; 128). Они очень много беседовали, и вот эта часть их взаимоотношений, самая интересная, навсегда останется для нас тайной, признаётся биограф.

Прекращение работы А. П. Чехова в «Новом времени» А. П. Кузичева не связывает ни с реакционной направленностью газеты, ни с общественным мнением, вечно осуждавшим писателя за сотрудничество с этим печатным органом, ни с испортившимися отношениями с редактором. Желание А. П. Чехова уйти было связано с тем же, что в своё время оттягивало момент начала работы писателя в «Новом времени» – журналисты и литераторы этой газеты во главе с В. П. Бурениным. Нельзя печататься в той газете, где тебя твои же коллеги обливают грязью.

Дело Дрейфуса вовсе не стало тем событием, после которого А. С. Суворин и А. П. Чехов настолько стали неприятны друг другу, что прекратили общаться. А. П. Кузичева отмечает ослабление их связи в силу ряда причин, однако опять же это произошло вполне естественно. А. С. Суворин приезжал в Ялту на два дня навестить А. П. Чехова. Пусть их отношения уже были не так крепки, но чувство привязанности, судя по всему, осталось. А. П. Чехов сам признавался, что тяжело привыкает к людям, а с А. С. Сувориным их всё-таки связывало так много всего.

А.П. Кузичева часто приводит портретные описания А. П. Чехова, что позволяет создать более реальный, а не бесплотный образ писателя в глазах читателей. Этими описаниями она также хочет показать, как непростая жизнь А. П. Чехова постепенно подтачивала его здоровье. Уже в период многописания в юмористических журналах он «заметно похудел». Биограф отмечает, что «более не вернулись к нему та крепость, тот разворот плеч, что

запечатлелись на фотографиях предыдущих лет» (2; 82). В конце жизни взгляд стал постепенно «уходить в себя» (2; 321).

А. П. Кузичева внимательно прослеживает всю болезнь А. П. Чехова. Первое кровохаркание случилось в 1884 году, позже оно стало повторяться каждую весну и осень, «а также после усиленной работы» (2; 108). Но писатель скрывал это от всех. В 1891 году А.П. Чехов написал А. С. Суворину: «... Уже начинаю подумывать, что моё здоровье не вернётся к прежнему своему состоянию. Впрочем, всё от Бога. Лечение и заботы о своём физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечить я не буду» (2; 243). Очевидно, что свою позицию по поводу лечения А. П. Чехов так и не изменил. Уже живя в Ялте, слушать доктору себя не давал, диету не соблюдал; никакого специального ухода за ним не было, и кроме того, в доме было холодно. Свою болезнь он рассматривал как определённый «поворот жизни» (2; 244), наверняка, с огромной долей фатализма, который ему всегда был свойствен.

А. П. Кузичева, как исследователь души писателя, уделяет достаточное внимание особенностям характера А. П. Чехова. Так, появление первых рецензий на его произведения показало, насколько он раним, как «беззащитен перед публичностью» (2; 81). Ещё позже проявилась «особенность его сочинительства: работать Чехову интересно, а печатать, слушать отзывы – и тяжело, и скучно, и неприятно» (2; 109).

А. П. Чехов не любил намеков на свое происхождение. «Выпады вроде того, что он выскочка, баловень фортуны, «литературный мещанин во дворянстве», Чехов, наверно, запоминал навсегда. Не припоминал человеку, но не извинял» (2; 108). Вообще, похоже, он был довольно обидчив по натуре. Например, он так никогда и не простил А. М. Скабичевскому его слова о том, что такие, как А. П. Чехов умирают под забором. Не простил и преподавателя гимназии Покровского, который сказал Евгении Яковлевне, что из её детей ничего путного не выйдет.

Ещё одним важным качеством А. П. Чехова А. П. Кузичева называет неприязнь к любого рода «партийности». «Он не отождествлял человека с

тем изданием, в котором тот работал или печатался. Не ставил на нём клейма. И не терпел, когда на него вешали ярлык» (2; 109). Именно поэтому его так раздражало то, что его лично и его произведения относили к «партии» А. С. Суворина.

А. П. Чехова невероятно раздражал тот «мусор взаимоотношений», который был в мире литераторов. Все эти сплетни, дразги, «кружковство», дружбы за одного, но против другого – всё это тяготило писателя и мешало спокойно работать.

А. П. Чехов постоянно метался между литературой и медициной, потому что долгое время сам для себя не мог ответить на вопрос, что для него важнее. Сначала считал, что медицина. Затем стал уравнивать их в правах. Позже они стали даже противопоставляться. В итоге победил Чехов-писатель, а не Чехов-врач. Это нашло отражение в одном из писем, в котором он впервые назвал себя литератором.

А. П. Кузичева отмечала у А. П. Чехова некий пророческий дар. Иногда он говорил о том, что действительно сбывалось в его жизни в будущем – о том, например, что «пьесы он пишет для жены, которая, оставшись вдовой, будет получать с них доход» (2; 124). Кроме того, биограф утверждает, что у А. П. Чехова было «ощущение жизненного срока». Он часто в молодости ощущал себя стариком, у него было своё внутреннее время.

У А. П. Чехова в жизни, кажется, не было периодов, когда у него было достаточно денег или когда он не был должен ни банку, ни А. С. Суворину. Большая семья требовала постоянных расходов, покупка дома в Мелихове, а затем в Ялте – больших займов. Денег всегда не хватало, а выпрашивать авансы у издателей он не любил, потому что боялся безденежья, как он сам говорил. Боялся, но не стеснялся.

Надо сказать, отношения с деньгами у А. П. Чехова были своеобразные. Точнее, с людьми, от которых он эти деньги должен был получать. Он часто отказывался от денег, которые предлагали родственники пациентов. Книжный магазин «Нового времени» постоянно присылал какие-то невероятные счета с долгами в несколько тысяч, а он даже не выяснял, в чём

дело, хотя на лицо были какие-то чудовищные ошибки и махинации. «Так бухгалтерия вела себя по отношению к Чехову. Он никогда не знал: он ли должен, ему ли должны» (2; 230). Постоянно нуждаясь в деньгах, он был невнимателен к ним и упускал множество возможностей поправить своё финансовое положение. Почему? «Может быть, в этом проявлялась обратная сторона самолюбия, раненного ещё в детские годы?» – размышляет биограф (2; 231) Она многое в поведении взрослого А. П. Чехова объясняла уязвлённым в детстве самолюбием.

Иногда в глубине души ему хотелось всё бросить и устроиться «в земские эскулапы». Но чувство ответственности перед родными не позволяло это сделать. «На кого оставить больного Николая, стареющих родителей? На прозябавшего в нищете Александра? На Ивана, с трудом сводившего концы с концами? На пребывавшего в беззаботном студенчестве Михаила? На сестру, необременительно служившую в гимназии и оставлявшую себе жалованье “на булавки”?» (2; 113) Подобного рода вопросы всегда роились в голове у А. П. Чехова. «Всё в одиночку...», – написала А. П. Кузичева. Это действительно выглядит именно так. Все домочадцы всегда заняты своими делами, заботами, а общий корабль быта должен вести А. П. Чехов.

Из «домашней колеи» А. П. Чехов не выберется никогда. Ещё в подростковом возрасте взяв на себя ответственность за свою семью, он не сможет сбросить её с себя до конца своих дней. В одном из писем Александру, ещё живя в Москве, он написал: «Ты знаешь, у меня скопление взрослых людей, живущих под одной крышей только потому, что в силу каких-то непонятных обстоятельств нельзя разойтись...» (2;118). Такое многолюдство, конечно, не способствовало сконцентрированной работе.

Все поступки А. П. Чехова, кажущиеся спонтанными и необъяснимыми, на самом деле таковыми не являлись. А. П. Чехов всегда вёл напряжённую внутреннюю жизнь, многое, о чём он думал, что переживал, осталось скрытым ото всех. Самым ярким примером является, конечно, поездка на Сахалин. Ничего, казалось бы, не предвещало. Но А. П. Кузичева выдвигает свою мотивировку поездки.

А. П. Чехову всегда нравились В. Г. Короленко и В. М. Гаршин. Не только как писатели, но в первую очередь как люди с интересными судьбами: один прошёл через ссылки, другой через войну. «Может быть, Чехову казалось, что личность и судьба Гаршина и Короленко больше и значительнее их таланта – и это сохранило их скромный дар? А что происходит с талантом, если в душе “застой”? <...> Если талант и личность не соответствуют друг другу?»

А. П. Кузичева видит главный мотив А. П. Чехова в том, чтобы изменить себя. Он хотел, чтобы «личность не только соответствовала таланту, но, может быть, оказалась больше его» (2;170). Именно поэтому он не преследовал никаких общественно-значимых целей, не ехал кого-то в чём-то убеждать. Сахалин нужен был ему «для себя» (2; 169).

Поездка на Сахалин расписана во всех подробностях – от сборов, которые были поручены Михаилу, до обратного пути, на котором А. П. Чехов купил мангуста. Подробности долгой дороги на Сахалин можно восстановить по подробнейшим письмам А. П. Чехова домой. То, чем занимался писатель на самом острове изложено в его труде. Всё это детально представлено в этой биографии, в отличие от работ Ю. В. Соболева и В.В. Ермилова, в которых поездка описана в самых общих чертах, а больше всего внимания уделено причинам, побудившим А. П. Чехова совершить это путешествие. Мотивы, как мы видим, все три биографа называют абсолютно разные.

А.П. Кузичева провела глубочайший анализ писем А. П. Чехова с точки зрения языка. Она старалась выявить связь между письменной речью и эмоциональным состоянием автора. Так, биограф утверждает, что обилие грубых слов в письме выдавало крайнее возбуждение А. П. Чехова. Она обращала внимание на слова, которые были любимыми в определённое время жизни писателя. А. П. Кузичева также создала внушительный список слов, какими А. П. Чехов «обзывал» свои сочинения. В последние годы в его письмах преобладали короткие, отрывочные предложения, а любимыми знаками препинания стали восклицательный и вопросительный.

В последние годы главным человеком в жизни А. П. Чехова стала О. Л. Книппер. Ни с кем никогда писатель не был так откровенен и нежен, как с женой. Его письма полны любви, тоски и смирения с несчастной своей судьбой – быть вдали от любимой женщины. Кроме того, его последний роман проходил на фоне болезни. День ото дня А. П. Чехову становилось хуже, жизнь в Ялте совершенно не шла ему на пользу.

Вообще, читать о жизни писателя в Ялте очень мучительно. Биограф создаёт образ человека, увядающего буквально на глазах. Тем непонятнее отношение к очевидно больному А. П. Чехову окружающих. Никто как будто не понимал серьёзности положения: ни сестра, которая большую часть времени жила теперь в Москве, ни жена, которая вела себя так, как будто у мужа не чахотка, а банальный грипп, ни мать, которая вообще, кажется, не принимала никакого участия ни в чём и тихо доживала свой век. В. И. Немирович постоянно требовал новых пьес, О. Л. Книппер не уставала ждать его в Москве, не понимая, что любые переезды ему уже в принципе сложны. Конечно, в письмах он обманывал жену, говоря, что здоров или что чувствует себя лучше. Но в те редкие встречи, когда они были вместе, неужели она не видела реальной ситуации?

Может быть, А. П. Чехову было и не так плохо, как представляется читателю биографии, и именно поэтому окружающие не били тревогу. Однако доктор, которому он даже запрещал слушать себя, явно не был настроен оптимистично. Да и, скорее всего, А. П. Чехов просто сам примерно знал, сколько ему ещё отведено времени и так же он понимал, что лечение уже ничего не даст.

Отношения А. П. Чехова с О. Л. Книппер всегда были окружены романтическим ореолом. Их письма – примеры искренней любви, которой не страшны расстояния. А. П. Кузичева рисует другую картину, из которой складывается, что, проживи писатель дольше, неизвестно, как бы выглядела их семейная жизнь и остались ли бы они вообще в браке. О. Л. Книппер признавалась, что не может «соединить несоединимое» – семейную жизнь и театр. А. П. Чехов не требовал от неё оставлять профессию, это было дело её

жизни, как его – литература, он понимал это (2; 698). Однако жизнь по разным городам сложно было назвать семейной.

А. П. Чехов, как выясняется, не хотел жениться, на этом настояла О. Л. Книппер, которая не хотела скрываться от людей. «Больной, одинокий <...>, ощущавший, что никому не нужен и ему “всё неинтересно”, всё сливается в серый цвет, Чехов, вероятно, не хотел потерять эту красивую, интересную, умную, уже родную ему женщину, к которой он привык и которой доверял. И если для неё церковный брак так важен, если её не останавливала его болезнь и устраивала жизнь в разлуке, то выходило: быть про сему» (2; 645).

Позиция биографа по отношению к О. Л. Книппер обвинительная. А. П. Кузичева видит ситуацию в таком ключе: законная жена оставила больного А. П. Чехова умирать одного в Ялте, а сама всё это время веселилась в Москве. Биограф постоянно подчёркивает, как писатель любил её и как страдал в разлуке, как радовался письмам и как ждал её приезда. Но она никогда не ехала, даже когда обещала – театр не позволял. Биограф практически открыто говорит о том, что О. Л. Книппер просто необходимо было оставить сцену ради мужа, потому что ни гениальной, ни очень популярной актрисой она не была – за что держалась?

«Замужество предполагало перемены. Книппер оставляла их на потом, на время грядущей “необыкновенной”, “настоящей” жизни. Она не отказывала. Она *обещала*» (2; 668). О. Л. Книппер жила полной, радостной жизнью в Москве. Театр, вечеринки, чаепития, танцы, гости... Муж писал, что рад за неё, рад, что она молода и энергична, рад, что она счастлива. Биограф же такое поведение простить не может.

Абсолютно всё, любая мелочь играет против О. Л. Книппер в глазах биографа. Как она пишет мужу, о чём – всё подвергается дотошному анализу исследователя. «Она писала размашисто, мешая мелочи быта с эпизодами внутритеатральной жизни» (2;663). Биографа явно раздражает то, что О. Л. Книппер постоянно придумывает новые виды поцелуев в письмах, то, что вообще телесность для нее очень важна. «Она так много писала о жарких поцелуях, бесконечных объятиях, что, кажется, не замечала, ка невольно

подменяла душевное чувство воображаемой грешной страстью, называемой любовью, но схожей более с жгучими и кипучими страстями из мелодрам и трагедий. Может быть, она умела любить именно так, только так?» (2; 699)

А. П. Кузичева часто указывает на то, что О. Л. Книппер говорит словами своих героинь – героинь чеховских пьес. Подозревает её в неискренности, поверхностности, неумении чувствовать глубоко. Считает, что, быть может, таковы издержки профессии – настоящие чувства она берегла для сцены.

Однако ничего это не раздражало А. П. Чехова, его любовь в жене оставалась неизменной. Он знал, кого берёт в жёны, знал он и то, что она вряд ли оставит театр ради роли сиделки. Действительно, чуть позже он даже перестал так упорно ждать, когда она приедет, мечтал отправиться в кругосветное плаванье, в Европу, и всё без неё. Возникает такое чувство, как будто оба супруга не особо стремились увидеться. Быть может, их обоих устраивала постоянная разлука? Или им нравилось быть персонажами романа в письмах? Как бы то ни было, судьба всё решила за них. И О. Л. Книппер не пришлось соединять «её актёрскую курьеру в Москве и зиму в Ялте, около мужа»; «равнодушие к домашней обыденности и роль заботливой хозяйки, сиделки около больного»; «интимную близость» и «духовное сближение» (2; 699).

Надо отметить, что биография А.П. Кузичевой вместила в себя огромный материал. Как отметил А. И. Рейтблат, «биографии в России становятся более “объемными” и отражают гораздо большее число сторон жизни персонажа (особенно частной его жизни), чем это было ранее». (ссылка) И действительно, пример данной биографии показателен.

А. И. Рейтблат говорит о том, что в советской литературе было много табуированных тем. Это и эротическая сфера, и здоровье, и бытовая, рутинная сторона жизни, и материальное положение героя. Биография А.П. Кузичевой – это действительно откровенный разговор о А. П. Чехове, включающий и все эти ранее запрещённые к освещению темы.

Деньги – одна из главных трудностей в жизни А. П. Чехова. Никогда они не давались ему просто так, всегда добывались большим трудом. Биограф старается быть точной в этом вопросе: она указывает, сколько денег А. П. Чехов получил за то или иное произведение и на что они были потрачены; сколько именно он взял в долг, а сколько дал, и вернулись ли ему эти деньги; сколько стоил дом в Мелихово, а сколько в Ялте; сколько понадобилось денег на путешествие на Сахалин, а сколько в Ниццу.

Что касается рутины, то она тоже представлена в биографии в полной мере. Какой бы ни был период жизни А. П. Чехова, где бы он ни жил, А. П. Кузичева всегда рассказывает, чем обычно занимались все домочадцы. Не опущена также бытовая сторона поездки на Сахалин – с упоминанием сапог, которые натирали ноги, и страстным желанием писателя отведать гречки.

Про то, что А. П. Чехов умер от чахотки, никогда не скрывалось. Однако про катар кишок, про геморрой, да такой, что требовалась операция, про сердечные боли, про проблемы с ногами, про перхоть вряд ли знали многие. А. П. Кузичева говорит об этом, причём довольно часто. Об обострениях геморроя А. П. Чехов, оказывается, не стеснялся писать в письмах, а перхоть появилась уже в Ялте и ужасно раздражала О. Л. Книппер.

Об интимной сфере жизни А. П. Чехова есть кое-какая информация – о том, что, например, он был нередким гостем в домах терпимости, что у него были романы с замужними женщинами, при этом никогда – с девственницей, что он в целом любил поухаживать за женщинами. Но от этого веет какой-то двойной жизнью. То ли он действительно хотел, чтобы эта сфера жизни была его секретом и поэтому ни с кем ничем не делился, то ли в письмах есть рассказы об этой стороне жизни, но биограф не посчитала нужным включить их в биографию. В любом случае, даже исходя из того, что нам известно, А. П. Чехов действительно не был праведником, как сам о себе и говорил.

Кроме того, иногда в тексте встречаются моменты, касающиеся этой темы. Так, например, звучал намёк на то, что И. Н. Потапенко знал очень много такого о А. П. Чехове, чего не знали другие.

Таким образом, спектр тем в биографиях XXI века значительно вырос по сравнению с биографиями XX века. Ни интимная сфера, ни проблемы со здоровьем, ни финансовое положение не рассматривались в биографиях Ю. В. Соболева и В. В. Ермилова. Кроме того, в них не обсуждалась и тема веры писателя. В биографии В. В. Ермилова тема религии полностью отсутствует.

Список источников, которыми может пользоваться биограф, значительно вырос и поменялся. А. П. Кузичева отдаёт предпочтение новым книгам, среди которых биографии А. П. Чехова, написанные М. П. Громовым и Д. Рейфильдом, её собственные исследования («А. П. Чехов в русской театральной критике», «Чеховы. Биография семьи»), «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» разных лет. За 50 лет, которые прошли со времени появления биографии В. В. Ермилова, были изданы «Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова» в 30 томах, «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», переписка писателя с О. Л. Книппер. Кроме того, А. П. Кузичева обратилась к «Дневнику Алексея Сергеевича Суворина» и к его «Маленьким письмам», о которых упоминается в биографии.

В биографии также приводятся отрывки из скандально известных мемуаров Л. А. Авиловой «А. П. Чехов в моей жизни». После каждой реальной встречи Л. А. Авиловой с А. П. Чеховым в А. П. Кузичева предоставляет читателю увидеть, как эти события были преобразованы в произведении Л. А. Авиловой.

Заключение

Уникальность такого явления литературы как биография состоит в том, что при прочих равных, в том числе и одинаковом объекте изучения, результаты работы исследователей получаются разные. Три рассмотренные нами биографии А. П. Чехова – яркое тому доказательство.

По мнению В. А. Кошелева, любая «хорошая биография всегда авторская, всегда “субъективная”» (ссылка). В классификации И. Я. Лосиевского такие работы называются концептуальными. Создание биографии известной личности, жизнеописание которой было написано уже не раз, предполагает обязательное наличие концепции, причём она должна быть уникальной, ранее никем не предложенной. Иначе очередная биография просто затеряется среди многих других.

Ю. В. Соболев стал первым, кто написал о жизни А. П. Чехова «от и до». Ранее как таковой биографии писателя не было, существовал «набросок» А. А. Измайлова и очерк П. С. Когана. Концепция Ю. В. Соболева состоит в том, чтобы показать жизненный путь человека, постепенно освобождающегося от тех порядков и предрассудков, в которых вырос и которые с детства не принимал, от мнения людей, которые слишком давили авторитетом. Иными словами, изобразить человека, который «выдавливал из себя по капле раба» и в конечном итоге сформировал собственное мировоззрение и обрёл внутреннюю свободу.

Концепция В. В. Ермилова отражала мнение не одного человека, а целой партии. Биограф сделал из А. П. Чехова «буревестника» революции, почти наравне с А. М. Горьким. И, кстати, автор настолько убедителен, что через какое-то время, чуть-чуть потеряв бдительность, начинаешь ловить себя на том, что невольно видишь в произведениях А. П. Чехова призыв к перевороту.

А. П. Кузичева создала самую полную биографию писателя. На наш взгляд, концепция этой биографии может звучать так же, как и главное свойство жизни А. П. Чехова, которое сформулировала исследовательница: «постоянное усилие, одоление». Понятие двупланово: с одной стороны, речь идёт о внешних препятствиях, мешавших А. П. Чехову, с другой, о «сосредоточенном нравственном усилии», о котором говорил И. Н. Сухих (ссылка).

Написанные в разное время, биографии просто не могли получиться одинаковыми. Однако работы Ю. В. Соболева и В. В. Ермилова всё-таки кажутся ближе друг к другу, чем к биографии А.П. Кузичевой. Может, дело в том, что между ними всего 12 лет, а, может, и в каком-то общем настроении и посыле. Ведь если отбросить революционный налет с биографии В. В. Ермилова, то в основе получится та же усиленная борьба с мещанством, о которой говорил Ю. В. Соболев. Точки зрения на Н. А. Лейкина и А. С. Суворина у биографов в целом совпадают, как и на О. Л. Книппер («Большая любовь входила в жизнь Антона Павловича»).

Представления А. П. Кузичевой о жизни А. П. Чехова выглядят совсем иначе. Удивительно, как, работая по сути с одними и теми же документами и фактами, можно приходить к таким разным видениям.

В биографии А. П. Кузичевой нет, пожалуй, ни одного слова про мещанство и про то, как А. П. Чехов с ним боролся. Кажется, с её точки зрения, это понятие выглядит несколько устаревшим, и сейчас правильнее и проще сказать о том, что в Таганроге А. П. Чехов страдал от жестокости отца, которая даже не была необычной с той среде, в которой он рос, от лицемерия, от лжи, от отсутствия культуры в целом и в частности. В каждый период жизни писатель вёл очень напряжённую «двойную жизнь» – внешнюю и внутреннюю. В Москве «на внешнем уровне» А. П. Чехов боролся с постоянным безденежьем, а внутри себя мучительно искал ответ на вопрос: «Кто он? Писатель или врач?» В Мелихове он спрашивал себя: «что такое настоящий талант?», «для кого и для чего он пишет?». А с внешней стороны он страдал от домашнего многолюдья, которое мешало ему сосредоточиться.

В Ялте писатель мучился физически, из-за прогрессирующей болезни, и одновременно с этим волновался по поводу драматургии, вырабатывая новые принципы своей драмы, и бесконечно тосковал по жене.

А. П. Чехов А. П. Кузичевой – это сомневающийся, развивающийся, ищущий себя и своё место в жизни человек. Биографии же Ю. В. Соболева и В.В. Ермилова больше похожи на «некую последовательность действий выдающейся личности, которой неведомы инерции и колебания», что характерно для многих русских, и особенно советских, биографий, по мнению Е. А. Вишленковой (ссылка).

В любых концептуальных биографиях идея автора становится ядром произведения. Получается, что именно вокруг него биограф выстраивает жизнь личности. Поэтому очень важно, чтобы биограф постарался как можно глубже понять героя своего исследования, чтобы, случайно увлѣкшись, не забыть, ради чего пишется это произведение, а также о том, что такое истина и достоверность.

Библиография

Источники:

1. Ермилов В. В. Чехов 1860-1904. М.: Молодая гвардия, 1951. 432 с.
2. Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия, 2012. 880 с.
3. Соболев Ю. В. Чехов. М.: Директ-Медиа, 2015. 501 с.

Научная литература:

4. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография // С. С. Аверинцев. Образ античности. СПб: Азбука-классика, 2004. С. 225 – 465.
5. Аверинцев С. С. Почему Евангелия – не биографии // Мир Библии. М.: Библейский богословский институт св. ап. Андрея, 2001, №8. С. 4 – 12.
6. Аверинцев С. С. Приемы организации материала в биографиях Плутарха // Вопросы античной литературы и классической филологии. М.: 1996. С. 234 – 246.
7. Александров Е. П. Историческая биография как историческая проблема: к изучению вопроса // Учёные записки Российского государственного социального университета, вып. 4, 2008. С. 223 – 227.
8. Антон Павлович Чехов [Электрон. ресурс]: сайт, посвящённый писателю // автор Злыгостева Н. А. URL: <http://arshkhov.ru> (дата обращения: 13.04.2017).
9. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
10. Беленький И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня; под ред. Л. П. Репиной, 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 37 – 52.
11. Биографии и конрбиографии. С Жаком Нефом беседует Сергей Зенкин // Иностранная литература, 2000, № 4. С. 274 – 278.
12. Бурмистров Е. С. Персональная история каждого человека [Электрон. ресурс] // Альманах «Историческое бессмертие каждого

человека». URL: <http://www.ist-bessmertie.narod.ru> (дата обращения: 03.04.2017).

13. Валевский А. Л. Основания биографики. К.: Наук. Думка, 1993. 88 с.

14. Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 186 с.

15. Вишленкова Е. А. Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России // История через личность: Историческая биография сегодня; под ред. Л. П. Репиной, 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 522 – 542.

16. Вяземский П. А. Фон-Визин. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1848. 466 с.

17. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 413 с.

18. Дворжанский А. Ю. В. Соболев (1887 – 1940) // Пензенский временник любителей старины, №4, 1992. С. 29.

19. Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (Статья первая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Т.14, вып. 3, 2014. С. 51 – 61.

20. Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (Статья вторая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Т.14, вып. 4, 2014. С. 51 – 61.

21. Дубин Б. В. Биография – репутация – анкета: о формах интеграции опыта в письменной культуре // Лица: Биогр. альманах. М.; СПб., 1995. №6. С. 7 – 31.

22. Дубин Б. В. Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 100 – 119.

23. Иванова Е. А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3, 2012. С. 43 – 49.

24. Катаев В. Б. Жизнь после смерти: биография и биографы // Биография Чехова: итоги и перспективы: материалы Международной научной конференции [Текст]; сост. Н. Ф. Иванова, НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. С. 19 – 28.

25. Кошелев В. А. Биография как легенда // Биография Чехова: итоги и перспективы: материалы Международной научной конференции [Текст]; сост. Н. Ф. Иванова, НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. С. 9 – 18.

26. Кумок Я. Биография и биограф // Вопросы литературы, 1973, №10. С. 18 – 33.

27. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.

28. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

29. Лосиевский И. Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии: [Монография]. Харьков: Крок, 1998. 424 с.

30. Лотман Ю. М. Биография – живое лицо // Новый мир, 1985, №2. С. 228 – 236.

31. Лотман Ю. М. Двойной портрет. Б. В. Томашевский и Г. А. Гуковский // Знание – сила, 1995, №9. С. 100 – 109.

32. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте / Избранные статьи. – Таллин, 1992. Т.1. С. 366.

33. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина / Предисл. Б. Ф. Егорова. – М.: Книга. 1987.

34. Луценко Е. Прощание, запрещающее печаль: биограф и его критики // Вопросы литературы, 2008, №6. С.63 – 76.

35. Молодая гвардия: официальный сайт издательства: [Электронный ресурс]. URL: <http://gvardiya.ru> (дата обращения: 22.04.2017).

36. От редакции // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории; под ред. М. Бойцова и И. Данилевского, вып. 5. М.: ОГИ, 2003. С. 8 –12.

37. Некрасова Н. В. Биографика // Понятия и категории [Электронный ресурс] / Вспомогательный проект портала ХРОНОС. URL: <http://ponjatija.ru/node/8873> (дата обращения: 25.03.2017).

38. Панин С. В. Жанр биографии в русской литературе XVIII – первой трети XIX вв.: Истоки, формирование, типология: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Панин Сергей Викторович. Москва, 2002. 247 с.

39. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801-1917 годов. Изд. второе, исправл. и доп. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. С.16.

40. Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987. 334 с.

41. Пущаев Ю. Молчащее небо Антона Чехова [Электрон. ресурс] // Православный журнал ФОМА [электрон. версия]. 2015. №2 (142). URL: <http://foma.ru/chem-neveruyushhiy-chehov-interesen-hristianinu.html> (дата обращения 15.04.2017).

42. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия // История через личность: Историческая биография сегодня; под ред. Л. П. Репиной, 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 5 – 16.

43. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня; ред. Л. П. Репина. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 53 – 68.

44. Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 181 с.

45. Румянцева М. Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке // История через личность: Историческая биография сегодня; под ред. Л. П. Репиной, 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 19 – 36.

46. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т.1.

47. Сухих И. Н. Чехов: Биография как проблема (Несколько положений) // Биография Чехова: итоги и перспективы: материалы

Международной научной конференции [Текст]; сост. Н. Ф. Иванова, НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. С. 29 – 37.

48. Сухих И. Н. Сказавшие «Э!» Современники читают Чехова // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). СПб., 2002. С. 7–44.

49. Сухих И. Н. Толстой Эйхенбаума: энергия постижения (1919 – 1959) // Работы о Льве Толстом; Б.М. Эйхенбаум. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 3 – 28.

50. Сухих И. Н. Чехов в жизни: сюжеты для небольшого романа. М.: Время, 2011. 384 с.

51. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия.: ОГИЗ, 1935. Т.1.

52. Холиков А. А. Биография глазами биографа (по материалам круглого стола) // Вопросы литературы, 2008. №6. С. 31 – 40.

53. Холиков А. А. Биография писателя как жанр: Учебное пособие // Книжный дом «ЛИБРОКОМ» М., 2014. 96 с.

54. Холиков А. А. Биография писателя как теоретико-литературная проблема: на материале жизни и творчества Д. С. Мережковского с 1865 по 1919 год: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Холиков Алексей Александрович. Москва, 2009. 286 с.

55. Холиков А. А. Писатель в зеркале жанра научной биографии // Художественная антропология: Теоретические и историко-литературные аспекты. М., 2011. С. 138 – 146.

56. Холиков А. А. Писательская биография: жанр без правил // Вопросы литературы, 2008, №6. С. 41 – 62.

57. Чеховский вестник [Электрон. ресурс]: информационно-библиографическое издание. URL: <http://chekhoviana.narod.ru/vestnik.htm> (дата обращения: 29.03.2017).

58. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. доп. М.: Книга, 1988. С.11.

59. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 3.